

*Вокруг
света*

№ 2

Боевые Эпизоды

Славная эпопея освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии — это замечательная страница, вписанная в историю нашей доблестной Красной армии.

Сегодня мы помещаем несколько рисунков из фронтового альбома художника Б. Васильева, отражающих боевые эпизоды, свидетелем которых он был.

С момента прихода Красной армии трудящиеся Западной Белоруссии стали организовывать отряды рабочей гвардии, которые активно помогали в установлении в родных городах и селах нового, свободного строя.

На рисунке вверху: боец Красной армии и красногвардеец гор. Барановичи стоят на посту у бывшего панского имения.

Несмотря на ожесточенное сопротивление отборных польских частей и осадников, сконцентрировавшихся в деревне Вербы (пригород Владимира-Вольнска), красная конница совместно с бронечастями одержала здесь блестящую, стремительную победу. Без единого выстрела было разоружено двенадцатитысячное войско, которое шло в Вербы на подмогу польским частям.

На рисунке слева: взятие деревни Вербы.

Советские танкисты в боях с польской армией показали образцы подлинного мужества и бесстрашия, продемонстрировав огромную силу и мощь советских боевых машин.

На рисунках внизу: атака танков под Гродно; танк под обстрелом неприятельской артиллерии преодолевает укрепленный район под Гродно.

Журнал приключений, путешествий,
научной фантастики и краеведения

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес: Москва, Новая пл., д. 6.
Тел. К-1-83-75.

№ 2

ФЕВРАЛЬ

1940

ГЕРОИЧЕСКАЯ АРМИЯ

Когда в октябре 1917 года в России рухнул капитализм и власть перешла к советам, к большевистской партии, буржуазия рассчитывала, что новый строй не продержится и месяца. Капиталисты всего мира надеялись, что истощенная, окровавленная, полуголодная Советская Россия не продержится долго и большевики будут сметены.

Не ограничиваясь одними надеждами, империалистические заправилы со своей стороны пытались сделать все, чтобы ускорить конец и приблизить падение ненавистной им советской власти. 14 государств участвовали в организации интервенционистского похода на нашу землю. Отборные белогвардейские силы русской контрреволюции вместе с регулярными частями европейских армий были брошены на молодую республику.

Что получилось из этого похода, хорошо известно. Империалисты просчитались. Затяжной ими поход разбился о силу и мощь героической Красной армии. Родившись вскоре же после победы Октябрьской революции, Красная армия с честью и славой отстояла великие октябрьские социалистические завоевания.

Бесчисленные вражеские полчища были разбиты и с позором изгнаны за пределы нашей родины.

И каждый раз, когда в последовавшие затем годы мирной передышки капиталистические хищники пытались прорваться крепость советских границ, они получали все тот же предметный урок.

На любую вражескую провокацию, на любую попытку вызвать крупные пограничные конфликты Красная армия всегда отвечала беспощадным и сокрушительным ударом. Так было в 1929 году на границе с Манчжурией, в 1938 году у озера Хасан и в 1939 году на полях Монголии, у реки Халхынгол.

С треском провалились также замыслы англо-французских империалистов, толкнувших Финляндию на войну с СССР.

Красная армия показала себя и в этих боях как армия массового героизма и легендарных подвигов. Фронтные будни были отмечены

выдающимися примерами героизма, бесстрашия и мужества советских бойцов и командиров. Красная армия разбила казавшиеся неприступными новейшие железобетонные укрепления. Ее не остановили ни страшные морозы и метели, ни труднопроходимая местность.

В результате побед Красной армии Советский Союз заключил мирный договор с Финляндией, имеющий огромное международное значение. Советская политика мира одержала еще один успех. Ликвидирован опаснейший очаг войны. По этому договору обеспечена, наконец, безопасность города Ленина и наших северо-западных границ.

Так, благодаря Красной армии, международные провокаторы терпят неудачу за неудачей.

Красной армии немного лет. Она моложе большинства армий крупнейших капиталистических стран. Но весь мир видит сейчас, что нет армии, более могущественной и грозной, чем Красная армия. Страна социализма вооружила ее первоклассной военной техникой. Годы мирной передышки, годы сталинских пятилеток использованы полной мерой. Все, начиная от хороших автоматических винтовок до превосходных танков и дальнобойных орудий, имеется на вооружении Красной армии. По воздушным и морским просторам родины летают и плавают совершенные боевые машины. И их столько, сколько нужно, чтобы обуздать и разгромить любого врага.

Красная армия непобедима. Это доказано всем ходом гражданской войны и событиями последних лет. Непобедима она потому, что является подлинно народной, революционной армией. Ее бойцы и командиры беззаветно преданы делу социализма, они живут интересами своей родины, они плоть и кровь народа.

В мире есть много армий, больших и малых. Ни одно государство не обходилось еще и не обходится без вооруженных сил. Но армия любого буржуазного государства используется прежде всего в интересах правящих эксплуататорских классов. С помощью армии капиталисты утверждают свое гос-

Героическая армия	2
Л. Платов. Путь на Мургаб	2
Н. Аетократов. Тайна профессора Макшеева	6
Г. Кубанский. Случай на станции	12
«Жемчужина империи»	15
С. Марков. Последние дни Георгия Седова	18
Франсис Джек Монгомери. Брстмурский убийца	22
В. Львов. Китобои	24
На обложке: рисунок Б. Васильева к рассказу «Путь на Мургаб».	

В номере рисунки: Б. Васильева, Л. Голованова, В. Доброклонского, Г. Фитингофа.

подство, свою диктатуру, осуществляют грабительскую империалистическую политику.

Для народа, для широких слоев населения эти армии чужды.

22 года назад, в феврале 1918 года, родилась иная и первая в истории подлинно народная, Рабоче-крестьянская Красная армия. Ее создали величайшие люди эпохи — Ленин и Сталин. Они с первых же дней укрепляли армию и постоянно заботились о ней. Сталин своим личным участием на фронтах гражданской войны выковал непобедимость Красной армии. Сталин продолжает каждодневно думать и заботиться о вооруженных силах СССР.

Глубоко преданная партии Ленина—Сталина, воспитанная в духе интернационализма и братства народов, Красная армия есть армия освобождения трудящихся. Она практически уже решает великие освободительные задачи.

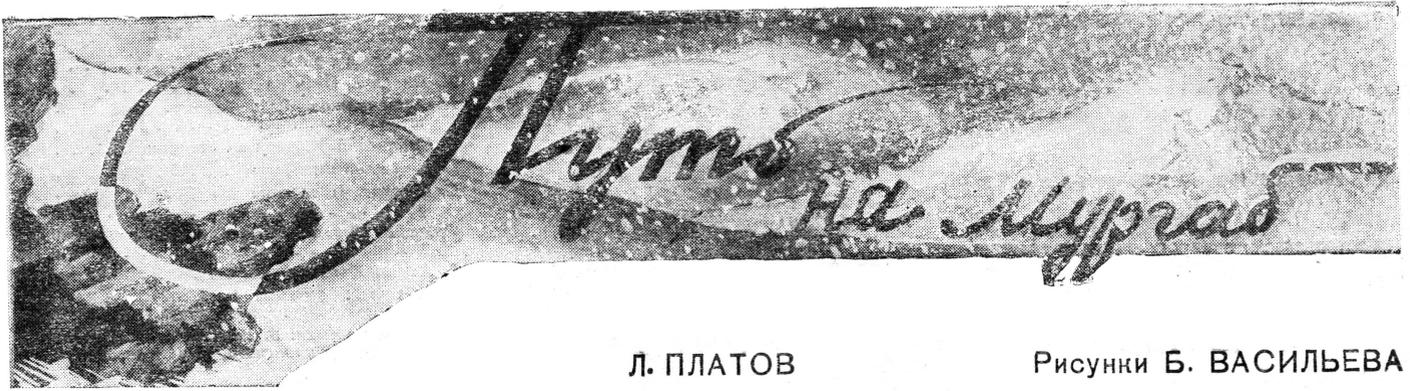
Благодаря Красной армии 13 миллионов украинцев и белоруссов, населявших бывшую панскую Польшу, сбросили с себя ненавистное ярмо рабства.

Угнетенные народы видят в Красной армии огромную интернациональную революционную силу. Ее любят, ею гордятся не только советские граждане, но и миллионы людей во всем мире.

«Где бы ты ни находился, где бы ты ни жил, трудящийся человек, — это есть твоя армия. Стелется вокруг Красной армии легенда. Растет, летит песня. Поднимают голову измученные белые, черные и желтые люди, Сквозь черные тучи войны, нависшей над миром, измученный человек устремляет свой взор в далекую, далекую сторону...»

В этих проникновенных словах, принадлежащих перу польской писательницы Ванды Василевской, выражены те подлинные чувства, которые вызывает Красная армия в сердце трудящегося человека.

В сознании своей силы и мощи грозная, непобедимая героическая Красная армия несокрушимо стоит на страже социализма, готовая выполнить любое задание рабоче-крестьянского правительства и большевистской партии.

Л. ПЛАТОВ

Рисунки Б. ВАСИЛЬЕВА

Что ж, — улыбаясь сказал Городовиков. — Вы сами не раз писали об эпизодах гражданской войны. О житомирском прорыве, о рождественской ночи в Ростове, о переправе через Сал... А вот о мирном строительстве рассказывал я вам? Слышали, как мы хлеб на Памир зимой возили? Я, представьте, тогда не кавалеристами командовал, а саперами и шоферами... Так получилось...

Взгляд его скользнул по текинскому ковру, где висели сабли, маузер с надписью «За храбрость. Реввоенсовет Первой конной» и различные охотничьи ружья. О них Ока Иванович говаривал с улыбкой: «Если скучно станет или неприятно по дому, сниму ружье, повоюю с ним, почищу, прицелюсь разок-другой — от сердца и отлегло». В центре ковра прикреплены невиданной величины рога архаров: самки — загнутые назад и самца — раскидистые, метра в полтора размах.

— В горах убили? — спросил я, оглядывая трофей.

— Нет, — сказал Ока Иванович с сожалением. — Там не до охоты было. Это подарок от жителей Мургаба, на память.

Он придвинул настольную лампу к карте Средней Азии.

Горные кряжи протянулись в разные стороны от Памира, будто посеребренные инеем узловатые корни. На восток от памирского нагорья темнели Кашгарский хребет и Китай, на юге лежал Гиндукуш, преддверие Индии.

— Узел, да, — пробормотал Городовиков, и по интонации нетрудно было догадаться, что речь сейчас пойдет совсем не о геологии. — Без измаилитов там тоже не обошлось. Их пускают всегда на затравку в тех местах...

И, разглядев недоумение на моем лице, он снял с полки энциклопедический словарь и раскрыл на нужной странице.

«Измаилиты, одна из крайних шиитских сект мусульманства, — прочел я, — возникла в VIII веке по имени Измаила, потомка четвертого халифа Али. В эпоху крестовых походов была известна под именем ассасинов, в XIII веке разгромлена монголами. Сохранилась в настоящее время только в горных областях Афганистана, Персии, Северо-Западной Индии и Памира. Панте-

стические представления о мировом разуме и переселении душ соединены у измаилитов с железной дисциплиной и конспирацией строго замкнутого тайного ордена. По их представлениям, после халифа Али бог воплощается в так называемых «скрытых имамах», которым измаилитские общины обязаны платить дань. Теперешний имам, «живой бог» Ага-хан, проживает в Бомбее и находится под покровительством англичан».

— Сложный узел, очень сложный, — повторил Городовиков, откидываясь в кресле и энергично потирая стриженую под ежик голову. — Зима, знаете, жестокая, перевалы закрыты снегом, и вдруг известие — в Мургабе хлеба нет, население голодает.

В те дни характер бедствия был еще неясен. Впоследствии удалось точно установить: это была диверсия.

Завоз хлеба на Памир, в Горно-Бадахшанскую область, вредители затянули нарочно, пытались спровоцировать голодный бунт. Уже зимой, с огромным запозданием, были посланы в горы 75 грузовиков с хлебом, но повалил снег, поднялся буран, машины остались в сугробах, а шоферы разбежались.

Тем временем в горных кишлаках захолоптали агитаторы «живого бога».

— Ведь что придумали там, в шпионских канцеляриях, — сказал Городовиков сердито. — Ни много, ни мало, — будто СССР объявил войну Абиссинии... Не забывайте, это — конец 1935 года. Италия как раз начала захват Абиссинии. Понятно? Старый прием — валить с большой головы на здоровую. Ну, а дальше идет уже разработка идеи.

В обледенелых горных ущельях завихрились слухи о том, что хлеба нет уже и в Ташкенте, что к весне красноармейцы заберут всех коз, баранов, верблюдов и нужно поэтому спешить: резать и угонять скот через границу. Заметались из кишлака в кишлак организаторы паники. Бывшие кулаки стали выкапывать из потаенных мест оружие.

И Городовиков начал рассказ с того дня, когда получил правительственную телеграмму из Москвы. Заместитель командующего Среднеазиатским военным округом был назначен чрезвычайным уполномоченным Совнаркомом СССР «по координированию, — как сказано было в

телеграмме, — действий военных и гражданских властей для обеспечения доставки хлеба Памиру и восстановления связи».

В Оше, на подступах к Памиру, царил неразбериха. Склады ломились от хлеба, а из 500 машин годных было только 18.

— Запросили авторитетов по альпинизму. Авторитеты заявляют: в зимних условиях на Памире колесный транспорт невозможен... Ну, а если дано боевое задание?!

Прибывших 200 саперов Городовиков немедленно направил в мастерские на помощь кузнецам и плотникам. В два дня на удивление всем выставлены были 125 грузовиков и 15 деревянных окованных железом саней. Сани прикреплялись к тракторам (имелось 10 «Коммунаров» и 5 «ЧТЗ» на гусеничном ходу). Всего подняли хлеба 400 тонн, а на одном грузовике везли особо детскую обувь.

Буран в горах не прекращался. Мороз — минус 36. И Мургаб за перевалами — в 410 километрах от Оша. Караван тронулся в путь.

Головной эшелон Городовиков нагнал на своем «Газе» к ночи. Не поймешь, с какой стороны дует ветер, — так всегда в буран. Слева — обрыв, справа — каменная гряда. Подъем крут, колеса буксуют. Выскочишь на повороте, подпиралешь машину плечом, из-под ноги ледышки в пропасть летят. Подъехали к кострам. Командир автозвезда докладывает:

— Перевал забит. Саперы роют в снегу туннель.

А грузовики стоят очень плотно, один за другим, прижались к скалам. Пришлось командующему вместе с адъютантом карабкаться по верху, с кузова на радиатор, с радиатора на кузов. Добрались до саперов, наконец.

— Как, товарищи бойцы?

— Заканчиваем, товарищ командующий!

В снежный туннель, покачиваясь, двинулась головная машина. Рев мотора. Проклятие шофера. Задние колеса увязли в снегу. Дно туннеля еще не накатано, слишком рыхло. Саперам и шоферам вместе с чрезвычайным уполномоченным приходится браться за веревку, привязанную к передней оси грузовика.

— Эх, раз, взяли, — тонко затягивает адъютант. — Чем не памирские бурлаки, товарищ командующий?

Проходит три часа мучительной работы, и 18 грузовиков первого эшелона подняты на перевал. Внизу — котловина, за ней — новый перевал. Сквозь свист ветра доносится сзади деловитое постукивание моторов. Приближаются следующие эшелоны.

Городовиков объявил привал до утра в маленьком селении на рубеже Алайской долины, а сам принялся диктовать радиogramму в Ош. Надо было срочно закрепить снежные туннели, ускорить отправку снегоочистителей, выслать вперед тракторы «ЧТЗ». Вдруг со двора послышались топот ног, гудки сирен, крики «ура». Распахнулась дверь, вбежал шофер. Аджютант отложил карандаш в сторону и, расстегивая кобуру, вопросительно поднял глаза на Городовикова: «Налет? Басмачи?»

— Товарищ командующий! — закричал шофер. — Ведь и вы забыли, наверное. Сейчас новый год. С наступающим тридцать шестым вас!..

На тесной сельской площади выстроились в каре грузовики. Фары зажжены. В столбах света искрятся летящие снежинки. Возникают выхватенные из мрака то обледенелая скала, то силуэт танцующего красноармейца, то далекие снежные вершины.

— Ивахин! Ивахин! Даешь, фейерверк! — раздаются требовательные голоса.

Разбитной Ивахин, герой этого привала, стоит в центре каре. Он прыскает бензином на горящую бумагу, которую держит в руках, — та

точас превращается в огненный шар и уплывает по воздуху.

— Еще, Ивахин! Еще!..

На площадь въезжают все новые и новые грузовики. С перевала подтгиваются отстающие. Выходят из кабин шоферы, заиндевшие полушубки хрустят на них, как кора. С кузовов соскакивают измученные саперы, звеня лопатами и кирками. Спать, спать, — только об этом мечтают сейчас они.

— С новым годом! — кричат новоприбывшим со всех сторон.

Ого, и гармоника появилась! В разбойничий посвист бурана вплелась отчетливая и бодрая скороговорка «Цыганочки». Завертелась в облаках снежной пыли одна пара, другая, третья... Где уж тут спать! Новый год справляем, товарищи!

Городовиков вернулся с аджютантом в землянку. Там над картой-трехверсткой они, улыбаясь, чокнулись флягами.

— А на какой высоте встречаем новый год? — поинтересовался педантичный аджютант. Сверились по карте. Оказалось — 3500 метров над уровнем моря.

Утром 1 января Городовиков выехал в рекогносцировку в Алайскую долину.

Она лежала внизу, плоская, как стол. Белизна ее ослепляла. Разведчикам пришлось надеть темные альпинистские очки.

Местами в сугробах чернело нечто похуже на пни. То были верхушки занесенных телеграфных столбов. Блестящей поверхности снега почти касались провода.

Из Бардобы, селения на противоположной стороне долины, сообщили по телефону, что накануне, во время бурана, едва не погибла бригада рабочих, пытавшихся проложить путь навстречу Городовикову.

— Трудное положение, товарищ Городовиков! — хрипела и кашляла телефонная трубка. — На Алае можно весь эшелон под снег загнать. А ближе к Мургабу еще хуже дорога.

— Пробьемся! — прокричал Городовиков. — Пробьемся, товарищ. Иначе нельзя!

Целый день и целую ночь накаплились над спуском в Алайскую долину грузовики, тракторы, сани. Спешно отремонтировался трактор «ЧТЗ» со снегоочистителем, который должен был идти впереди колонны. Перекликались автомобильные сирены.

Городовикова очень волновало то, что участились случаи заболевания «туеком». Врач экспедиции сам лежал пластом, мертвенно-бледный, с сильнейшим сердечным припадком. Больным оказывали помощь товарищи.

В полночь начальник штаба доложил, что из вспомогательного отряда, — его составляли киргизы, которые должны были везти юрты на яках, — дезертировали два человека.

— Чал-мамы боятся, — охотно разъяснил переводчик. — Суеверные люди. Думают, что в Алайской долине зимой дивы живут. Чал-мама — это седая старуха, Госпожа Ветров. Все ветры завязаны у нее в

На площади выстроились грузовики.

платок. Лохмотья бурана—ее длинные волосы и...

— Пусть политрук займется Чалмамой,—сказал сердито Городовиков.—Пусть разъяснит там, что у нас Динамит-папа есть. Куда алайской старушке до него! Вот услышат завтра...

За час до рассвета—все на своих местах. Первым идет эшелон с саперами и динамитом. Потом первая рота грузовиков, за ней вторая, третья. Командиры проверяют машины. Как перед атакой, крепко пожимают друг другу руки.

— Время! Пошли!

Внизу дымится предательская поземка, раздуваемая ветром.

В тот день бойцам Городовикова не привелось увидеть солнца. Оно поднялось в положенный час над Памиром, но было наглухо затянуто белой дрожащей пеленой. Молочные сумерки расплылись вокруг.

— Погодка,—выкрикивает удивленный голос.—Копашешь лопатой, и не понять: небо копаешь или землю. Снег повсюду, куда ни ткни.

Через правильные промежутки раздаются раскаты грома. То авангард рвет динамитом слежавшийся снег.

— Назад!—кричит начальник подрывников, и, низко пригнувшись, саперы отбегают и падают плашмя. Грохот. Столб белой пыли. Снежный вулкан. Во все стороны разлетаются глыбы.

И все же эшелоны продвигаются слишком медленно. Не утихает буран. Со злорадным хохотом он засыпает туннель, стоит лишь на минуту зазеваться саперам. Он швыряет охапки снега на только что расчищенный путь. За двое суток эшелоны прошли всего 12 километров, и сейчас они в самом центре Алайской долины.

Свистит ветер. Замешкались саперы впереди. Грузовики стынут в сугробах.

Людей непреодолимо клонит в сон. С ручным фонариком Городовиков обходит колонну.

— Бодрее, товарищи!—говорит он, открывая дверцу кабины.—Ну-ка, лицо к свету! Так и есть. Белое пятно. Трите, трите снегом скорее...

Навстречу Городовикову бережно несут что-то длинное, завернутое в брезент.

— Умер боец Осташкин, товарищ командующий! Замерз во сне в своей кабине...

Его так и нашли за рулем. Воротник полушубка был поднят, большие руки в варежках тяжело лежали на баранке. «Эй, Осташкин, проснись!—закричали ему.—Скоро поедем. Саперы еще два километра прошли. Да ну же, Осташкин!» Тронули за плечо, тело бессильно качнулось, и голова со стуком ударилась о баранку.

Через несколько минут командиры передавали по колонне строжайший приказ Городовикова: «Сон в Алайской долине смертелен. Запрещая спать до привала. Наблюдайте друг за другом. Не давайте друг другу спать».

— Спасибо Красной армии.

Всю ночь командиры провели на ногах, следя за выполнением приказа. Раз десять прошел сам Городовиков из конца в конец длинную вереницу машин.

— Не спите?

— Никак нет, товарищ командующий!

— То-то...

На рассвете колонна снова двинулась и через несколько километров снова застряла.

Трудно отсчитывать время в бурани, когда ночь бела и день темен. Многим бойцам Городовикова казалось, что целую вечность уже идут они по этому узкому снежному коридору с осыпавшимися, непрочными стенами. И всегда буран будет метаться над головами, и беспрестанно падать снег, и ветер доносить слабое эхо взрывов.

Но наступил вечер, когда ветер донес до колонны раскаты «ура». Это авангард саперов столкнулся с дехканами из Бардобы, прокладывая путь навстречу Городовикову.

За четверо суток колонна прошла 25 километров и была теперь у подножия Заалайского хребта.

В Бардобе меньше всех пришлось отдыхать саперам. Пользуясь ясным, солнечным днем, таким неожиданным после пурги на дне Алая, они выступили рано утром.

— Не медлите и вы, товарищ Городовиков, — предупреждают бардобцы. — Сейчас — ясно, а через полчаса буран — и туннеля как не бывало...

Снова режут сирены. Пошатываясь от усталости, люди влезают в кабины. Вперед, вперед!

В ущелье наперерез колонне со страшной силой ударяет ветер.

— Ого! — говорит проводник и сутулится, лбом рассекая ветер. — Мустаг-Ата! всех своих собак спустил с цепи.

Ветер — до 12 баллов, мороз — 42 градуса.

К железу лопаты прикоснуться нельзя — металл обжигает. Люди дышат коротко, со свистом, воздух разрежен, дыхания нехватает.

К рассвету ветер утих, и в багровых отсветах зари бойцы увидели поле битвы. Сугробы были разворочены, будто после бомбардировки. Некоторые грузовики лежали почти на боку, опершись на задние колеса, поднялись на дыбы.

Снова гудят сирены. Шуршат, осыпаясь, камни. Слева — пропасть, черные острые скалы. Один неосторожный поворот баранкой, и поминай, как звали!..

Глубокой беззвездной ночью колонна перевалила Заалайский хребет и начала спуск в Меркан-Су, прозванную Долиной Смерти.

— Разрешите доложить, товарищ командующий! — Голос начальника штаба, стоящего рядом, доносится совсем издалека. Звенит в ушах. Неужели и у Городовикова начинается горная болезнь? — Разрешите доложить: по стуку мотора развед-

чики обнаружили полузасыпанный снегом грузовик. Номер грузовика 3221.

— А водитель?

— Перемерз весь. Почти безумен.

Приведенный к Городовикову человек бредит, вырывается из рук поддерживающих его бойцов, умоляет отпустить назад, к машине.

— Заглохнет ведь, — бормочет он хрипло. — Ты пойми, товарищ, заглохнет мотор без меня!..

Его успокоили, накормили и перенесли на попечение врача. Отогревшись и отоспавшись, он рассказал, что фамилия его Моргунов, что шоферы остальных машин — то была первая неудачная экспедиция 75 грузовиков в Мургаб — разбежались, а он остался при своей машине, ожидая помощи.

Он не помнит, сколько дней провела так в Долине Смерти. Стрелки его карманных часов замерзли и не двигались. И днем и ночью все вокруг было бело от пурги.

Из последних сил старался он поддерживать работу мотора. Он твердо знал, что, если мотор заглохнет, потом уж никак не удастся вернуть его к жизни. Мороз был слишком силен. И люди, которые придут к Моргунову на помощь, — он был уверен, что они придут, — не смогут пустить его грузовик в ход. Хлеб, в котором так нуждались на Памире, останется в снегу до весны.

Мелькают мимо черные бойницы старой крепости Меркан-Су. Шоферы на спуске набирают скорость.

За поворотом — сияющий блеск. Столбы солнечных лучей. Ледяная поверхность озера Кара-Куль, гладко отшлифованная ветром. Нестерпимый блеск!

Вперед, вперед!

И снова ночь. Последняя ночь перед Мургабом. Бураны остались позади. Тихие звезды мерцают над головами. Машины, рыча, взбираются на перевал.

— Бодрее, товарищи бойцы! — сорванными голосами кричат командиры. — Бодрее! Мургаб — за этим перевалом!

— Дойдем, — шепчет, сплевывая кровавые сгустки, Ивахин. Лицо его, обожженное горными ветрами, приняло сейчас странный фиолетовый оттенок. — Как не дойти, — голдным хлебом везем!

На узкой горной тропе, идя впереди разведчиков, поскользнулся Городовиков и сильно ушиб ногу.

Несколько раз, пока его несли в машину, он терял сознание. Вся воля его сейчас собрана в комок: не распускаться, не показывать, как ему больно, успокоить встревоженных командиров, адъютанта, бойцов.

— Пустяки, товарищи! — кричит Городовиков, высываясь из окна машины. — Какой из меня пехотинец? Оступился на камне... Вперед на Мургаб, вперед!..

А когда стали на тормозах спускаться с перевала, так тихо, так спокойно показалось бойцам вокруг. Ни ветра, ни скрежета льда. Только моторы постукивают.

— Что это, — спрашивают саперы. — Почему буран стих?

— Мургаб в котловине лежит, — поясняет проводник. — Горами со всех сторон отгородился.

Зашевелилось, зачернело ущелье. Спешат со всех сторон мургабцы. Кто пешком, кто верхом на ослах или яках. И все бурдюки тащат.

Весть о том, что Красная армия хлеб везет, уже дошла сюда, обогнав эшелоны.

Саперы — они шли в пешем строю — тотчас разобрали по рукам. Качают.

Автомобильные сирены гудят. Грузовики и тракторы, осторожно раздвигая толпу, продвигаются мало-помалу вперед. И вокруг гремит гортанное «ура».

— Красной армии ура! Спасибо Красной армии!

Городовиков встал, шумно отодвинув кресло.

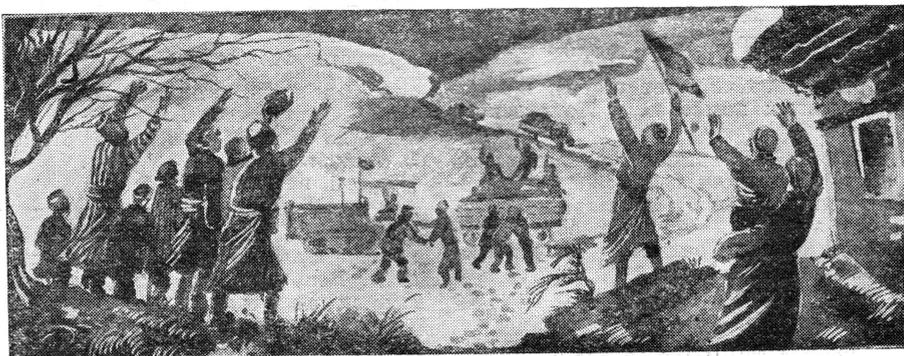
— Ну, вот вам эпизод из мирного строительства, — сказал он, улыбаясь и расправляя свои пышные усы. — А то все гражданская война да гражданская война...

— А как с организаторами диверсии, Ока Иванович?

— Ими другие после нас занялись!..

Ока Иванович остановился у карты.

— Это ведь мы так шли — эшелоны, груженные хлебом и детской обувью. Путь на Памир с запада на восток. А есть еще и пути с юга, тайные тропы (он прочертил ногтем несколько резких зигзагообразных линий на карте). По ним оттуда всякая нечисть ползет. Пытается ползти. Там нашим пограничникам работы хватает.

¹ Мустаг-Ата — высочайшая вершина Памира, находящаяся на китайской территории.

Ваня

ПРОФЕССОРА МАКШЕЕВА

1

На следующий день у Званцева состоялось совещание... Другов молча выслушал доклад инженера о неудачной поездке.

— Выходит, что вы трудились зря. Все потеряно!.. Но мы можем сделать последнюю попытку,— добавил он после небольшой паузы,— выясните, не осталось ли каких-нибудь бумаг у родных профессора. Я тут без вас навел кое-какие справки о Макшееве.

Профессор достал из кармана блокнот, посмотрел поверх очков на присутствующих и начал читать:

— «Макшеев Николай Власович, родился в Казани в 1871 году. В 1893 году он окончил Казанский университет по физико-математическому факультету, а через три года защитил диссертацию на тему «Методы определения температур звезд». В 1904 году Макшеев получил звание профессора и кафедру в Казанском университете. В 1918 году он переехал в Москву, где работал в Физическом институте, сначала с академиком Лазаревым, а затем самостоятельно. С 1930 года Макшеев был членом-корреспондентом Академии наук. Главнейшие его работы: «Основы аналитической оптики», «Волновая механика и теория квант», «Явления интерференции в катодных лучах». Последнее время профессор работал в области ультрафиолетовых лучей».

— Вот и все сведения,— сказал Другов.— Надо еще добавить, что из близких родственников Макшеева осталась в живых только его дочь, Елена Николаевна. Ее фамилия по мужу Савельева, и живет она в Москве. Я думаю, не лишнее было бы поговорить с ней. Поручим Ване узнать адрес Савельевой, и мы с Сергеем Ильичем побываем у нее. Может быть, что-нибудь выясним!

Елена Николаевна Савельева, по профессии врач, жила с дочерью, девочкой лет шести, в двух небольших комнатах у Петровского парка.

Другов и Званцев представились ей и объяснили цель своего прихода: они хотели бы узнать, не осталось ли каких-нибудь работ, чертежей или записок после смерти профессора Макшеева.

— У меня, к сожалению, ничего

В горах Северного Кавказа работала геологическая экспедиция из Москвы.

Во время обследования одной из жил богатого месторождения молибдена члены экспедиции инженер Званцев и студент-практикант Ваня Чуватов нашли в горах записную книжечку с листком бумаги, испещренным таинственными цифрами. Листок этот очень походил на зашифрованный документ, и Ваня, переписав цифры в свою тетрадь, решил обязательно разгадать их содержание.

Уже в Москве, куда вместе с экспедицией приехал рабочий геологической партии Ткешелашвили, прозванный Ткешей, Ваня занялся расшифровкой записки.

Вместе с Ткешей они безуспешно искали разгадки цифр, пока однажды Ваня случайно не попал на ключ (номер газеты «Известия»), с помощью которого удалось расшифровать записку.

Ваня и Ткеша тут же отправились к Званцеву. Туда пришел и профессор Другов, их начальник по геологической партии.

Ночью Ваня, Ткеша и Званцев отправились в Серпухов, в село Маланыно.

Найдя церковь и отмерив нужное расстояние, они в тревоге остановились над глубокой, свежесрытой ямой. Кто-то опередил их. Друзья вернулись в Москву.

не осталось,— сказала Елена Николаевна.— Когда я вышла замуж, папа уехал отсюда и поселился в институте рядом со своей лабораторией. Кое-что из его старых работ у меня, правда, было, но я все передала в Академию наук.

— В таком случае нам остается только извиниться перед вами за беспокойство и тяжелые напоминания об отце,— сказал профессор.

— Да, смерть отца была для меня страшным ударом. И зачем он только поехал на Кавказ?! Папа всегда проводил лето в средней полосе России: ведь он был страстный рыбак и мог целыми днями с удочкой просиживать у реки. И вдруг я получаю известие, что он убит поздней осенью на Кавказе. Как он туда попал, понять не могу.

— Скажите,— спросил Званцев,— а где именно ваш отец должен был провести это лето?

— Я и сама точно не знаю; где-то под Серпуховом. Письма я послала до востребования на станцию Свиная, Курской дороги.

Гости встали.

— Между прочим,— заметила на прощание Елена Николаевна,— вы не первые задаете мне вопросы об отце. Вскоре после его трагической смерти сюда заходили двое каких-то научных работников и интересовались его бумагами.

Званцев насторожился.

— Простите, не можете ли вы припомнить их наружность?— спросил он.

— Одного я как сейчас вижу! Такой маленький, блондин.

— Что же вы им сказали?

— Да то же, что и вам,— ничего,— развела руками Елена Николаевна.

Геологи вернулись домой обескураженные. Все несколько приуныли. Особенно горевал Ваня, который считал себя главным виновником неудач. Ему казалось, что если бы он серьезно отнесся к делу и вовремя разгадал шифр, чертежи не попали бы в руки врагов, так как он не сомневался, что именно враги стали им, поперек дороги.

— Меня все же удивляет яма,— как бы высказывая мысли вслух, заговорил Званцев.— Она слишком глубока. Зачем Макшееву надо было зарывать свои чертежи так глубоко. Да и сил для этого у старика не хватало бы.

— Знаете,— сказал Другов,— я думаю, что глубина ямы объясняется тем, что наши враги ничего в ней не нашли! Не ошиблись ли мы местом? Нет ли в Маланыно второй церкви? Проверьте, Ваня, еще раз расшифровку названия села.

Ваня в тот же вечер взялся за документ Макшеева и газету, служащую к нему ключом.

«Село Малан? Конечно, подозрительно,—думал он.—Очевидно, Макшеев или я, переписывая, допустили здесь ошибку. Но в чем ошибка?.. Прежде всего Макшеев мог ошибиться в счете строки».

Ваня взял строчкой выше, получилось «Маланпронс». Строчкой ниже — получилось «Маланитонс». Он брал различные комбинации цифр — ничего не выходило. Тогда ему пришло в голову, что ошибка заключалась в первой цифре группы, то-есть в номере газетного столбца. Он исправил в шифрованной записке первые цифры обеих сомнительных групп и взял буквы «д» и «р». Получилось слово «Маландроно».

И вдруг его осенила мысль: это может быть Малое Андронов! Ну конечно! Вовсе нет никакого «востока». Лишний слог «во» следует отнести к предыдущему слову! Макшеев не писал лишних букв и слогов. Он ошибся в номере столбца!

— Ах мы ослы! Ах чурбаны! — кричал Ваня.

— Что это ты ругаешься? — спросил Ткеша.

— Мы ошиблись. Никогда Макшеев ничего не зарывал в Маланьине! Это Малое Андронов, другое село, расположенное к северу от Маланьина! — кричал Ваня. — Нас сбила карта. «Андронов» написано крупными буквами, а слово «малое» сокращено до одной буквы «м». Я, видимо, ошибся тогда... спутал. Никакого «востока» нет, и это не Маланьино, а Малое Андронов... Надо было взять первый столбец, а мы взяли второй. Мы должны немедленно ехать в Малое Андронов.

Оба друга в ту же ночь сели в поезд и к утру уже были на станции Свинская. От станции они пешком пошли к селу. Малое Андронов живописно раскинулось на берегу реки. В конце села в рощице виднелась деревянная церковка. Увидя ее, наши друзья облегченно вздохнули.

Церковь была очень старая, покосившаяся; крыша во многих местах продырявлена, дверь и окна забиты досками. Отметив от нужного угла двадцать два метра, друзья радостно переглянулись. Конец веревки пришлось над тремя положенными в ряд кирпичами.

Сняв кирпичи, Ткеша лихорадочно принялся работать лопатой. Не успел он прокопать и полметра, как лопата ударилась о что-то твердое.

— Постой, постой! Осторожнее! — кричал Ва-

ня и стал разгребать землю руками.

Через минуту он извлек из ямы обыкновенную крестьянскую кринку, плотно замазанную глиной. Осторожно разбив ее, Ваня дрожащими от волнения руками, вытащил тетрадь в черном клеенчатом переплете.

Оба стояли в каком-то оцепенении: казалось невероятным, что тайна Макшеева была у них в руках.

Потом, оглядевшись, Ваня схватил тетрадь, завернул ее в полотно и сунул к себе на грудь, под рубашку.

Молодым людям стало страшно. А вдруг за ними наблюдают? Внимательно оглядевшись и убедившись, что поблизости никого нет, они быстро зашагали к станции.

ТЕТРАДЬ ПРОФЕССОРА

Появление Вани и Ткеша на квартире у Званцева, рассказ о поездке и сама тетрадь явились полной неожиданностью для Званцева. Немедленно явился по вызову Другов, и все с огромным нетерпением сели за круглый стол. Профессор раскрыл тетрадь и начал читать.

— «Макшеев И. В. Тетрадь двенадцатая... Несколько мыслей о при-

роде космических лучей (апрель 1933 года)»...

Профессор перевернул несколько страниц.

— Посмотрим, что идет дальше... «Упрощенный вывод формулы Гамильтона (июль 1933 года)».

Он перелистал еще несколько страниц. Его лицо оживилось.

— «Сверхультрафиолетовые лучи особо интенсивной химической активности (август 1933 года)».

Еще в 1912 году, изучая ультрафиолетовые лучи колпачка ауэровской горелки, я установил в них присутствие особого рода лучей, гораздо более активных и обладающих гораздо более высокой способностью проникания. Правда, интенсивность этого излучения была ничтожна.

Ауэровский колпачок, как известно, состоит из тканей, пропитанных смесью азотнокислых солей тория и церия, причем первого девятюсто девять процентов, а второго только один процент. В пламени газа ткани сгорают, а соли сохраняют форму колпачка. Я доказал тогда, что новые лучи идут исключительно от цериевых солей.

Недавно я вновь занялся этой проблемой. Мне удалось установить, что в момент вспышки паров церия, что бывает при температуре

1800 градусов Цельсия, происходит внезапное излучение сверхультрафиолетовых лучей, продолжающееся, повидимому, лишь ничтожные доли секунды. Интенсивность излучения зависит от количества церия.

Лучи эти весьма легко проникают через воздух, дерево, бумагу и даже через металлы. Только особо тяжелые металлы — свинец, золото, ртуть — задерживают большую часть лучей. Химическая активность их поистине изумительна. Иодистый азот — вещество весьма легко разлагающееся — взрывается от самого ничтожного излучения. Мне удалось взорвать такими лучами ружейный пистон с гремучей ртутью на расстоянии десяти метров от установки. Вспышку я производил так: помещал крупинку металлического церия в платиновую капсулю и нагревал ее в пламени гремучего газа. Через некоторое время пары церия разрывали капсулю, воспламенялись и испускали излучение сверхультрафиолетовых лучей. Обычные лучи задерживались при этом экраном из черной бумаги».

Другов взволнованно остановился и осмотрел слушателей.

— Дальше написано

Он извлек обыкновенную крестьянскую кринку.

Другими чернилами, — сказал он. — Продолжаю!

«15 августа 1933 года. Я тревожно провел эти дни. Открытие лучей не дает мне покоя. Ясно, что их можно применить во время войны для взрывов на расстоянии. Это страшное военное изобретение. Имею ли я право продолжать свои опыты над ним? Могу ли я, мирный человек, боящийся ужасов войны, дать такое оружие?»

Нет, мне надо прекратить свои опыты...»

— Дальше запись идет карандашом, — вновь прервал чтение Другов.

— «Пишу взволнованный отвлеченным событием. Вчера ко мне в кабинет зашел какой-то маленький белобрысый человек и отрекомендовался научным сотрудником Ленинградского радиового института Хромченко. Он начал с лести и сказал, что в институте меня знают и очень ценят. Он выказал хорошее знакомство с моими трудами. Я промолчал. Он стал говорить, что мне трудно и неудобно работать в моей маленькой лаборатории с ограниченными возможностями.

— Такому ученому, как вы, надо иметь собственный институт и неограниченные средства, — сказал он.

Я ответил, что обеспечен всем необходимым и не понимаю, к чему этот разговор. Тогда он неожиданно сказал:

— А знаете, мы могли бы вас устроить лучше. Мы могли бы предоставить вам возможность работать за границей и дать вам сто, даже сто пятьдесят тысяч долларов для ваших работ по передаче химических импульсов на расстояние, — подчеркнул он последние слова.

Я был ошеломлен. Откуда в Радиовом институте могли узнать тайну моего открытия? И что это — действительно проявление внимания или шантаж, гнусное предложение изменить своей родине?

Хромченко откланялся и сказал, что скоро зайдет.

Обеспокоенный предложением, я решил на следующий день позвонить в Ленинград, директору Радиового института.

Да, научный сотрудник по фамилии Хромченко у них числится, но он никуда из Ленинграда не уезжал и кроме того... он — брютет».

Другов остановился.

— На этом рукопись кончается, — больше ничего нет.

В комнате воцарилась глубокая тишина. За круглым столом, перед раскрытой тетрадью, взволнованные, сидели четверо наших друзей.

Первым заговорил Званцев. Он встал...

Никогда Ваня не видел Званцева таким вдохновенным.

— Друзья мои! В наших руках изобретение огромной ценности. Правда, оно не доведено до конца, опыты, повидимому, не завершены, но одно ясно, что враги как-то проникли об этом, пытались купить Макшеева и завладеть его открытием, чтобы направить его против нашей родины. Ясно и другое, что старик Макшеев был неправ, склоняясь к тому, чтобы прекратить свои опыты и таким обра-

зом похоронить чудесное изобретение. Я предлагаю нам самим взяться за дальнейшие опыты и проверку макшеевских данных. Затем мы с гордостью передадим наши материалы правительству. А пока давайте сохраним все в глубокой тайне. Ни одна живая душа не должна знать о том, что мы здесь слышали.

Тут же договорились, что Другов пойдет завтра с утра в Институт тонкой химической технологии и постарается достать сколько-нибудь металлического церия. В шесть часов решили собраться в лаборатории профессора и попробовать проверить опыт Макшеева.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ

Когда Ваня и Ткеша пришли в лабораторию, они застали там Другова и Званцева уже за приготовлениями.

Профессору удалось достать несколько граммов чистого церия. Из листочка платины выдавили маленький капсюлек и крышечку к нему. У стены установили горелку для гремучего газа и баллоны с кислородом и водородом.

Инженер вынул из кармана жестяную коробку и высыпал на стол ее содержимое.

— Вот пистоны для охотничьих ружей, — сказал он. — Они наполняются гремучей ртутью — веществом, легко взрывающимся от огня или даже удара. Пистоны удобны для опытов тем, что все они одинаковые.

Пистоны разложили вдоль комнаты на столах, через метр один от другого.

— Ну, ребята, выносите-ка отсюда все, что может взорваться или загореться.

Ткеша и Ваня тщательно обыскали всю комнату. Фосфор, бертолетова соль, селитра, эфир, бензин и другие легко воспламеняющиеся жидкости были унесены из лаборатории в другой конец флигеля. Коробочка с пистонами была укрыта за толстой свинцовой доской.

Профессор отрезал маленький кусочек церия, взвесил его на аналитических весах и сказал с видом лектора:

— Для начала хватит полграмма церия. Мы его поместим в платиновый капсюлек и замажем щели огнеупорной глиной. Капсюль нагреем в пламени гремучего газа, который, как вам известно, дает температуру до 2000 градусов и, следовательно, может расплавить платину, точка плавления которой равна 1770 градусам. Но этого не произойдет, так как церий плавится при 630 и переходит в пар примерно при 1800 градусах. Пары вырвутся наружу и воспламятся раньше, чем расплавится капсюль. Итак, к делу!

— Одну минуту, — сказал инженер, — давайте вынем из карманов спички... на всякий случай.

Горелку зажгли, и профессор внес капсюль в ее пламя. Все замерли в ожидании. Капсюль быстро накалился, зашипел и вспыхнул ярким пламенем. В то же мгновение на

столе загорелись спички, вспыхнули пистоны, а за стеной раздался глухой удар, потом шум и крики. Ослепленные внезапной вспышкой, наши друзья нахлынули не сразу. Первым выбежал в коридор Ткеша, за ним Званцев и Ваня. Здесь они столкнулись с перепуганной на смерть лаборанткой. Она беспомощно бегала по коридору.

Из соседней комнаты, в которой тоже помещалась лаборатория, валил дым. Медлить было нельзя. Ткеша схватил лежавший в коридоре войлок, Ваня сорвал со стены огнетушитель, а инженер вооружился ведром с песком, которое стояло возле двери, и все трое бросились в комнату, где горела какая-то жидкость. Стена и часть пола были в огне. Через пять минут огонь удалось ликвидировать без вызова пожарных.

Лаборантка стала объяснять Другову, что она совсем не виновата в этом происшествии. Она стояла далеко от банки с эфиром. Взрыв произошел сам по себе.

Профессор успокоил ее и сказал, что выяснит причину взрыва, к счастью, не принесшего ей вреда.

— Вернее всего, взрыв произошел вследствие... контакта проводов, — промычал он.

— Несмотря на неприятный эпизод, все внутренне ликвидировали.

— А опыт все-таки блестяще удался, — сказал Ваня, когда волнение несколько улеглось.

— Даже слишком блестяще! Все семь пистонов взорвались, спички вспыхнули, воспламенились пары эфира, несмотря на то, что они были за оштукатуренной перегородкой.

— Да, наделали мы дел! Хорошо еще, что сами вынесли все огнеопасные вещества из нашей комнаты.

— И вынули спички из карманов, — добавил Ткеша.

— Лучи Макшеева оправдали себя, — сказал профессор. — Назовем их просто М-лучами. Это короче и лучше позволит сохранить секрет.

Все согласились.

— А продолжать опыты здесь нельзя. Если столь ничтожное количество церия дало такой эффект, то что же случится, если мы возьмем его в большем количестве? — заключил профессор.

Инженер вынул из кармана трубку и зажег ее о пламя гремучего газа, который до сих пор никто не догадался погасить, затянулся и сказал:

— Я предлагаю перенести опыты на мою дачу... Это, собственно, еще не дача, но есть участок земли и изба — будущая кухня, с печкой и даже с электричеством. Есть и колодец. Местность глухая; от станции Катуар Савеловской железной дороги минут сорок ходьбы. Сейчас там живет только старик-лесничий. Я предлагаю переселиться туда с нашими молодцами, а вы, Андрей Васильевич, будете наезжать к нам. Оборудования нам много не требуется, что нужно, перевезем на машине.

Предложение инженера было принято.

Дача Званцева представляла собой маленькую избушку из двух комнат.

Инженер нашел свою «кухню» в плачевном состоянии: окна были выбиты, крыша протекала, все было покрыто страшной грязью.

После чистки и ремонта домика Званцев привез туда самую необходимую мебель, исправил электричество, а затем на машине было доставлено оборудование: горелка с баллонами, аналитические весы, стачивы, химическая посуда, реактивы, а также набор слесарных и столярных инструментов.

Всякого рода легко воспламеняющиеся и взрывчатые вещества были строжайше исключены из обихода. Даже спички. Званцев смастерил несколько электрических зажигалок, состоящих из куска асбестового картона, обмотанного тонкой нихромовой проволокой. При нажатии кнопки ток раскалял проволоку, о которую можно было зажечь сухую бумагу.

Горелку установили у окна, выходящего на север, так как в этом направлении километра на четыре не было никакого жилья. С боков горелку огородили экранами из толстых свинцовых досок. Этим исключалась возможность распространения М-лучей на восток и запад, где с одной стороны неподалеку стояла изба дорожного сторожа, а с другой — строящиеся дачи.

К началу июня все было подготовлено для опытов. Однажды в дождливое, пасмурное утро на дачу приехал Другов. Он привез с собой изрядный запас металлического церия.

За чаем он изложил программу предстоящих опытов.

— В первую очередь нам надо установить зависимость между количеством церия и радиусом действия М-лучей на различные взрывчатые вещества. Мы возьмем те из них, которые сможем легко достать или изготовить сами: черный и бездымный порох, гремучую ртуть, пироксилиновую вату, пары эфира и бензина. Затем надо будет изучить проникновение лучей через препятствия и прежде всего через землю, камень, дерево и кожу. Для этого мы поместим какое-нибудь весьма легко взрывающееся вещество, я думаю, лучше всего иодистый азот, на небольшом расстоянии от источника М-лучей и будем ставить на их пути экраны различной толщины и из различного материала. Таким путем мы сможем установить, какому расстоянию соответствует данная толщина экрана. Если, например, мы узнаем, что иодистый азот взрывается от одного грамма церия не далее одного километра, а железный экран в один сантиметр толщиной предохраняет его от взрыва, то мы можем считать, что один сантиметр железа эквивалентен одному километру расстояния. Понятно?

— Затем, — продолжал Другов, — надо заняться отысканием материалов, отражающих М-лучи, из которых можно было бы изготавливать зеркала.

Это, пожалуй, самая трудная часть работы, и я беру ее на себя. Я также недоволен самим источником М-лучей. Платиновая капсула дорога и недостаточно огнестойка. Я предвижу, что при больших количествах церия она будет прогорать раньше, чем весь церий обратится в пары. Поэтому надо будет подумать, чем можно заменить платину.

План профессора был единогласно одобрен и принят к исполнению.

Для Званцева, который был хорошим химиком, изготовление иодистого азота не представляло никакого труда. Достаточно было бросить кристаллы иода в нашатырный спирт и отфильтровать получившуюся коричневую муть, чтобы получить иодистый азот, который после просушки взрывался от малейшего прикосновения.

Также без особых затруднений было изготовлено небольшое количество гремучей ртути и пироксилина. Инженер предложил хранить запасы взрывчатых веществ в колоде. Их клали в ведро, закрывали его массивным свинцовым листом и опускали в колодец, до уровня воды, на десять-двенадцать метров.

Подошло время летних каникул, и вся четверка переехала на дачу Званцева.

Два раза в неделю кто-нибудь из четырех друзей ездил в Москву и привозил продукты и газеты. По большей части эту обязанность выполнял Ткеша.

Опыты шли удачно, и к концу июля накопился обширный материал, который с величайшей тщательностью заносился в маленькую книжечку. Для хранения этой книжечки Ткеша выдолбил потайную щель в доске стола. Щель эта закрывалась планочкой, вращающейся на гвозде, и заметить ее было очень трудно.

С самого начала работ остро встал «платиновый» вопрос. Званцев заложил все свои облигации для покупки платиновых дисков, идущих на зубные коронки. Как и предвидел Другов, платина часто проплавлялась раньше времени и вспышки М-лучей не получалось.

Вопрос этот, однако, был решен неожиданно скоро. Как-то раз, рассматривая химический справочник, Ваня спросил:

— А что вольфрам дешевле платины?

— Ну, конечно, и во много раз, — отозвался профессор.

— Тогда почему бы нам не заменить платину вольфрамом? Ведь он плавится при 3370 градусах?

— Разумеется, можно, как это я не догадался?! Конечно, вольфрам заменит нам платину.

— Ваня! Вы молодец, — похвалил Званцев.

В этот же день инженер поехал в Москву за вольфрамом. Вернулся он с целым набором аппаратуры — колб, проводов, реостатов и ванн.

— Что это вы приволокли? — встретил его профессор.

— А это лабораторная электролитная ванночка. Мне пришла

мысль покрывать церий вольфрамом электролитным способом, вместо того чтобы заключать его в капсулу из вольфрамовой жести.

— То-есть вы предлагаете вольфрамирывать церий, подобно тому, как никелируют или хромируют металлы?!

— Ну да! Мы можем таким путем наложить слой вольфрама любой толщины и притом вполне плотный.

— Это счастливая идея. Надо ее испытывать.

Прибор быстро собрали. Он состоял из ртутного выпрямителя тока, реостатов и ванны. В ванну наливался раствор соли вольфрама и опускался листок вольфрама и кусочек церия на проволоке. Через прибор пропускать ток, и вольфрам, отлагаясь на церии, покрывал его слоем требуемой толщины.

Это было ценное усовершенствование в методе получения М-лучей.

Опыты были организованы так. Начиная от северного окна комнаты, там, где была установлена горелка, все пространство на километр вперед было вымерено рулеткой, и через каждые пятнадцать метров положены доски с небольшим количеством взрывчатых веществ: порохом, гремучей ртутью, пироксилином, селитрой, бертолетовой солью и пробирками с эфиром и бензином. После вспышки определенного количества церия проверяли действие М-лучей на взрывчатые вещества.

В результате опытов инженер смог составить и записать в секретной книжечке следующую таблицу предельного расстояния действия М-лучей от одного грамма церия:

Иодистый азот	940 метров
Нитроглицерин	900 »
Гремучая ртуть	670 »
Азид-свинца	650 »
Бертолетова соль	440 »
Черный порох	310 »
Селитра	300 »
Сухой пироксилин	280 »
Бездымный порох	260 »
Пары эфира	130 »
Спички	30 »

Вместе с тем было подтверждено, что интенсивность лучей прямо пропорциональна количеству церия.

Одновременно друзья вели другую серию опытов, имеющую целью установить способность М-лучей проникать через преграды.

У южного окна комнаты, на расстоянии семи метров от горелки, установили подставку для взрывчатых веществ. Перед ней помещали испытываемые экраны из различных материалов. Результаты этих опытов также тщательно записывались.

Работа кипела во-всю.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Как-то раз под вечер Другов с Ваней и Ткешей заканчивали сложные опыты по взрыву зарытых в земле ружейных патронов. Дали вспышку М-лучей, и через несколько мгновений послышался звук взрыва.

Но странно: звук был слишком сильным и шел совсем не с той стороны, откуда его ожидали.

— Слышали? Это не наши патроны. Это что-то другое взорвалось!

— Что же может быть? Ну-ка, Ткешенька, сбегай, посмотри.

Ткеша и Ваня побежали в сторону выстрела. На тропинке, идущей к дороге, недалеко за забором дачного участка сидел какой-то человек. Драповое пальто его тлело и дымилось. Ваня подбежал к нему и остановился в изумлении. Это был Пашкевич!

— Юрий Станиславович! Что с вами? Как вы сюда попали?!

Пашкевич застонал. Ваня и Ткеша загасили тлеющие на нем пальто и брюки и подняли пострадавшего. Правая нога геолога была в крови.

Его перенесли в домик, положили на кровать. Осмотрели рану: бедро и верхняя часть правой ноги были не сильно обожжены, но вдоль ноги шла царапина длиной в ладонь. Рану и ожоги перевязали.

— Это пустяки! До свадьбы заживет,— сказал профессор и облегченно вздохнул.— Но что же с вами случилось, дорогой мой? Рассказывайте. И как вы сюда попали?

— Я ехал к вам, Андрей Васильевич, и вдруг вот здесь, на тропинке, на меня напал какой-то мерзавец и навел на меня револьвер... Я успел схватить его за руку и опустить ее... он выстрелил в упор... пальто загорелось...

— Ах, боже мой! Это ужасно! Как же это так?.. А зачем я вам был нужен? И как вы узнали, где я?

— Повесть пришла из Академии наук на ваше имя... вот она... Я позвонил вам домой... мне сказали, что вы уехали на станцию Катуар... Я здесь ищу вас часа три...

— Это ужасно: из-за такого пустяка вы так беспокоились,— гово-

рил профессор взволнованно.— Надо все же заявить в уголовный розыск.

— Стоит ли, Андрей Васильевич, в сущности, я отделался совершенными пустяками... царапиной. Нет, не надо этого. Теперь все равно не найти этого мерзавца.

Другов согласился, так как ему не хотелось, чтобы кто-нибудь еще знал об опытах на даче.

Рана действительно была пустяковая. Пашкевич через час настолько оправился, что выразил желание ехать в Москву.

При прощании Пашкевич горячо поблагодарил Другова за заботы.

— А почему вы так уединились и чем это вы здесь занялись?

Другов уже давно подготовил ответ на этот вопрос.

— А я, видите ли, предпочитаю летом работать на вольизм воздухе. Вот с ребятами и решил заняться исследованием кавказских молибденовых руд.

Пашкевич, казалось, был удовлетворен этим ответом. Он попрощался и ушел на станцию.

Скоро вернулся Званцев.

Ему рассказали о происшествии с Пашкевичем со всеми подробностями.

— Понимаете,— говорил Другов,— я не могу отделаться от мысли, что какой-то бандит напал на Юрия Станиславовича. Стало быть, около нашей дачи шатаются посторонние люди.

— Возможно,— сказал Званцев, дымя трубой.— Ваня! Вы хорошо оглядели тропинку? Ничего там не нашили?

— Нет, ничего подозрительного.

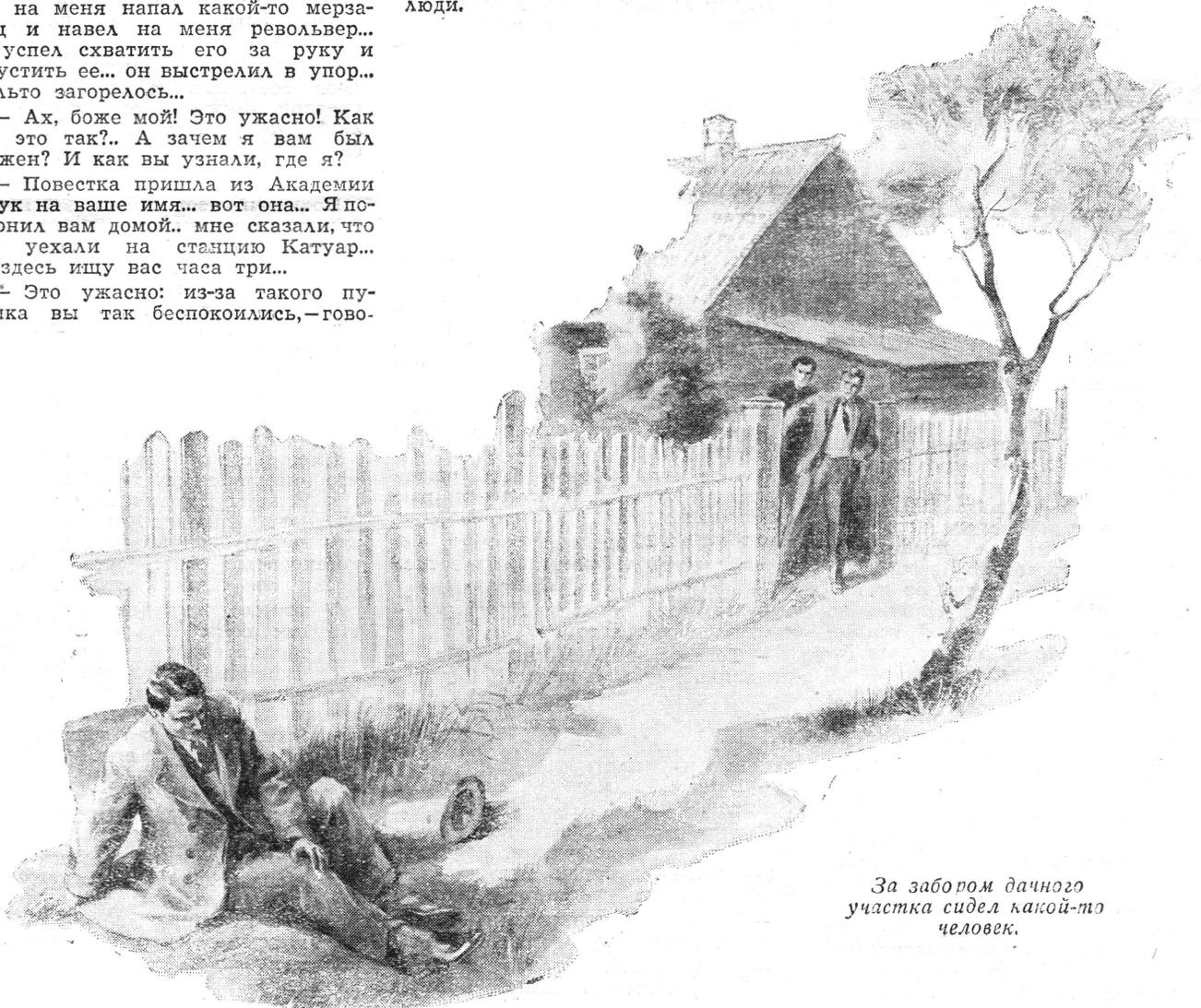
— Конечно, это может быть случайностью, но в наших условиях надо опасаться всего, Андрей Васильевич!

Это происшествие произвело на всех тяжелое впечатление.

Друзья решили всячески торопиться с опытами и ликвидировать лабораторию при первой возможности.

Инженер решил привезти из Москвы оружие. Ваня взял толстую резиновую трубку, зашил и заплавил один ее конец, валя в нее килограмма два ртути, после чего заплавил и другой конец. Такой кишкой можно было нанести страшный удар.

Несколько дней прошло спокойно, и опасения начали рассеиваться. Все понемногу успокоилось. Так прошел июль. В первые дни августа утром на дачу зашел старик-сторож. На плече у него висела старая шомпольная двухстволка, на поясе — патронташ.

За забором дачного участка сидел какой-то человек.

— А, дедушка! Здравствуй. Ну, что, много настроила дичи? — спросил его Другов.

— Какой там! — старик махнул рукой. — Скажи на милость, иду я у речком... ружье за плечом. Вдруг как пальнет на оба ствола... мать честная!... Хотел зарядить... все пистоны в коробке сгорели... вот чудеса-то! Пистоны, что ли, теперь стали такие делать?

Все переглянулись.

— А порох с тобой был?

— Был... порох ничего!

— Ты, дедушка, погоди здесь по близости охотиться, иди куда-нибудь подальше, — сказал профессор.

— С чего бы это такое? — ворчал старик.

— Хорошо еще, что он не подошел к нам ближе, а то взорвался бы у него порох. Вот беда бы вышла! — сказал профессор после ухода старика.

Опыты с отражением лучей не дали результатов.

— А между тем, если мы не научимся направлять лучи, куда следует, — говорил Другов, — грош цена всей нашей затее.

— Можно действовать в тылу у противника, — на его территории сбрасывать, например, аппараты с самолета.

— Или даже помещать их внутри артиллерийских снарядов.

— Пожалуй, при нашем способе нагрева церия в пламени гремучего газа это трудно выполнить, — серьезно заметил Званцев, — но если найти другой способ нагревания, например, с помощью термита...

— Видели ли вы, как в Москве сваривают трамвайные рельсы? Бьют и зажигательные термитные бомбы, — вставил Ваня.

— Правильно! Вот и надо нам идти по этому пути. При горении термит может развить температуру до 3000 градусов.

— Браво, браво! Это замечательная идея! Ее надо обязательно попробовать осуществить. Этим мы чрезвычайно упростим задачу, и нам не нужно будет мучиться над опытами по отысканию материала для зеркал! — воскликнул профессор.

— Почему? — спросил Ваня.

— Потому что мы сможем тогда перебрасывать источник М-лучей на территорию противника, где они будут взрывать все вокруг, причем на такое расстояние, откуда до нас они не достигнут. Понятно?

— Да, — сказал инженер, — именно в этом направлении надо искать решение задачи.

Все принялись с жаром обсуждать новую идею.

Для ее осуществления надо было преодолеть только технические трудности, так как принципиально задача, собственно говоря, была уже разрешена.

Поэтому друзья решили прекратить работу на даче и перебраться в Москву, на квартиру Званцева, где и подвести итоги проделанной работе.

(Продолжение следует.)

НИЩИЕ В белых воротничках

По улицам города медленно шагает оркестр. В руках у музыкантов — аккордеоны, саксофоны, флейты. Раздаются звуки ирландской песенки «Матушка Макри». На груди каждого исполнителя — большой белый плакат с трагической надписью: «Слепой».

Просто просить милостыню и стоять с протянутой рукой в Лондоне запрещается. Нужно забавлять прохожих.

И вот они «забавляют». На тротуаре изобретательный нищий пока-

уже не тот король нищих, каким был раньше. Традиции забываются, и среди молодежи многие даже не знают моего адреса. А ведь я основал три тайных общества нищих, существующие и до сих пор.

Решение «короля» Билла окончательно. Мне удалось присутствовать при разборе одного конфликта. К «королю» явились два пожилых нищих. Один — настоящий цыган. Другой — типичный «кокней» — лондонец, с седеющими усами, пожелтевшими от крепкого флотского табака.

Ввиду торжественного случая обвиняемый и обвинитель были в белых целлулоидных воротничках.

Первым начал цыган. На плохом английском языке, прибегая к помощи жестов, он изложил свою жалобу.

— Вот уже два года я со своей гитарой занимаю угол Бьюр-стрит и Нарроу-Лейн. У меня появилась клиентура. Я был доволен. Пять недель тому назад я увидел, как полицейский арестовал знакомую мне женщину. Кажется, я в этот день немного выпил... Ну, в общем, мне захотелось освободить эту женщину. Фараон свистнул, явился друг, меня схватили и посадили на месяц в тюрьму. Вернувшись, я увидел, что этот проклятый «кокней» занял мое место. Он вздумал играть на аккордеоне... И как фальшивит!

«Проклятый кокней» отвечает, едва шевеля губами:

— Жители Бьюр-стрит и Нарроу-Лейн целые два года терпели гитару грязного цыгана. Они мне сами говорили, что теперь им нравится аккордеон. Старшина Билл, я прошу вас решить спор в мою пользу.

Качая головой и брызгая слюной при каждом слове, «король нищих» произносит свое мудрое решение:

— Пользоваться несчастьем человека, попавшего в тюрьму, и занимать его место — это поступок, недостойный истинного «кокней». Пусть с сегодняшнего вечера цыган займет свой угол. В виде компенсации он заплатит аккордеонисту десять шиллингов, и каждая из сторон должна дать мне три шиллинга шесть пенсов как гонорар. Пожмите друг другу руки и помиритесь.

Приговор произнесен. Цыган и «кокней», засучив правый рукав, жмут друг другу руки. Несколько выше кисти я вижу у них два совершенно одинаковых вытатуированных знака: скрещенные маргаритки...

Это знак их общества.

Нищенство является объектом эксплуатации крупных, солидных фирм, которые сдают нарпокат «орудия производства» — скрипки, шарманки, аккордеоны — и из нищенских грошей сколачивают кругленькие суммы.

Нищий показывает представление цирка «Микки-Маус».

зывает представление миниатюрного цирка мышей — «Микки-Маус».

К лесенке этого цирка приколот картонка: «Желаю вам никогда не нуждаться в той милостыне, которую вы подали мне сегодня».

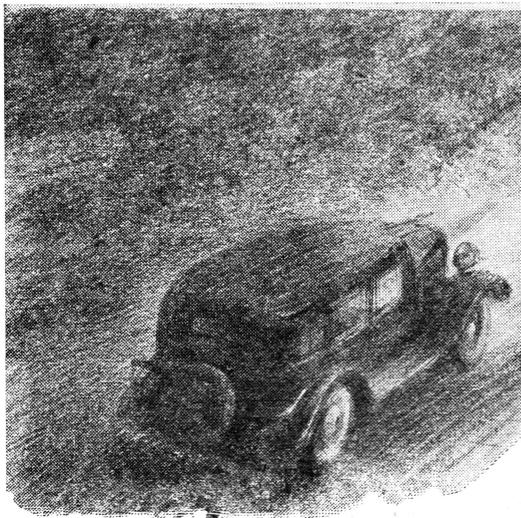
Среди людей, сыкшихся с нищенством, как с «профессией», немало таких, которые долго боролись с безработицей, обивали пороги контор и предприятий, следили за объявлениями в газетах... А потом махнули на все рукой и стали забавлять прохожих, собирая скудное подаяние.

У нищих есть свои организации, свой суд.

«Король нищих» существует не только в «Опере нищих», но и в жизни. Это старик Билл Трабби. Он утверждает, что ему сто лет, но в действительности — не более восьмидесяти пяти.

Трабби живет на маленькой улочке в Степни; квартира его состоит из маленькой комнаты и кухни.

Тихонько посасывая свою трубку, старый Билл рассказывает: «Увы, я

Смущай на Станции

Г. КУБАНСКИЙ

Рисунки Л. ГОЛОВАНОВА

1

В третьем часу ночи Люси Бертран известили, что муж ее, Жозеф, разгружая вагон с удобрениями, попал под скорый поезд и теперь лежит в помещении станции, где происходила разгрузка. Попросив соседку присмотреть за ребятами, Люси выскочила на улицу и побежала на станцию.

Жозеф Бертран лежал на черном кожаном диване, покрытом свежей простыней, принесенной из дома начальника станции. Около дивана стояли грузчики, товарищи Жозефа. Они молча наблюдали, как общинный врач Поль Фоше резал холщевые брюки пострадавшего, пропитанные едкой костяной мукой. Обнажив изуродованную ногу, врач перехватил выше колена заранее приготовленным жгутом. Пригласив кивком одного из грузчиков помочь ему, он принялся затягивать петлю, внимательно наблюдая за постепенно опадающими темными струйками крови.

Поль Фоше не обращал никакого внимания на окружающих, пока не срезал всю верхнюю одежду Жозефа. Он боялся, что костяная мука вызовет заражение крови. Покончив с одеждой, врач обернулся к грузчикам.

— Он потерял слишком много крови...

Закончить свою мысль ему не удалось. В комнату, широко распахнув двери, ворвалась Люси. Тишина поразила ее. Пошатываясь на дрожащих после быстрого бега ногах, молча подошла она к мужу. Лицо его, бескровное и вялое, казалось очень усталым и, пожалуй, несколько виноватым. Жозеф отвернулся от жены, словно стыдясь того, что произошло с ним.

Люси смотрела в осунувшееся, небритое лицо мужа, понимая, что так смотреть — пристально, не отрываясь, — нельзя: это тревожит раненого... Она хотела заговорить с ним просто, утешить его и не могла найти ни одного нужного слова. В голове кружились обрывки мыслей...

2

Трудно сказать, что сблизило тилого, вечно озабоченного семьянина Жозефа с первым грубияном

и задирой Гастоном Ришаром. Окрестные крестьяне побаивались языка Гастона — грубго, по-своему острого, а еще больше остерегались они его увесистых кулаков.

Впрочем, за последнее время Гастону пришлось несколько остепениться. Господин Эйш, владелец большого поместья, нанимая его, потребовал, чтобы он изменил свое поведение. В годы безработицы и кризиса приходилось принимать и худшие условия. Гастон обещал держать себя в руках. Назавтра он перебрался в старинный бретонский замок, гордо названный его владельцем «Ля тет де терр»¹. И теперь крестьяне частенько встречали Гастона разъезжающим на мощном «паккарде» цвета спелой прованской вишни.

Повышение Гастона не помешало ему попрежнему часто бывать в семье Бертран. Он подолгу возился с ребятами Жозефа, расхваливал Люси и сетовал на свое одиночество, хотя ничто не мешало ему обзавестись семьей.

Вот и сейчас Гастон Ришар стоял возле больного, широко расставив короткие, крепкие ноги. Его черные, горячие глаза смотрели на Поля Фоше недоброжелательно, почти зло. Смущенный и растерявшийся врач объяснял обступившим его грузчикам, что спасти Жозефа может только немедленное переливание крови.

Но у молодого врача, всего лишь месяц назад получившего диплом, не было необходимых инструментов и практики в подобных операциях. К тому же он не хирург, а терапевт, специалист по внутренним болезням.

Крупное скуластое лицо Люси смущало врача. Широко открытые глаза женщины нервно блестели.

— Я не могу сказать, что ваш муж безнадежен... — тянул Поль Фоше, не решаясь открыть ей правду.

— Скажите, что делать? — почти крикнула Люси на маленького очкастого врача в коротком белом халате и вязаной ночной шапочке.

— Я уже говорил... — врач запнулся и кивнул в сторону понурых грузчиков. — Единственный человек в округе, кто может спасти его...

Поль Фоше смущенно покосился на черный диван.

— Кто? Кто? — Люси подошла к врачу так близко, что тот невольно отступил назад.

— Профессор Ортон, — быстро ответил он. — Он живет в Шенье... Это добрых тридцать километров отсюда. И потом — он частнопрактикующий врач.

— Вы хотите сказать, что он откажется приехать? — насторожилась Люси.

Она готова была ехать куда угодно; готова была молить профессора, заклинять его жизнью мужа и счастьем своих детей. Люси не верила, не допускала мысли, что может быть человек, который посмеет отказать детям в спасении отца.

— Я хочу сказать, — тщательно выбирая слова, поправил ее врач, — другое. Нельзя быть уверенным в том, что он приедет. Профессор Ортон принадлежит к числу тех врачей, кто собирается и приезжает на ночные вызовы тем скорей, чем больший гонорар их ожидает.

Люси энергично повернулась к грузчикам.

— Когда идет поезд в Шенье?

Ей ответили не сразу.

— Поезд в Шенье идет в семь двадцать утра.

Круглые стенные часы показывали четверть третьего.

3

У изголовья Жозефа осталась одна Люси. Остальные, боясь помешать ей проститься с мужем, отошли в дальний угол комнаты.

За спиной Люси хлопала дверь. Кто-то входил и выходил из комнаты. Несколько раз врач нагнулся к Жозефу и что-то спрашивал у него. Люси сидела, напряженно выпрямив спину, безучастная ко всему, что происходило вокруг нее.

Тяжелая, теплая рука друга легла на плечо Люси. Она только слегка поежилась. Тогда кто-то бесцеремонно взял ее за подбородок и поднял голову. Это был Гастон Ришар в кожаной шоферской куртке. Он стоял решительный, уверенный в себе. И только по упругим желвакам челюстей да подергивающемуся веку Люси поняла, как волнуется Гастон.

¹ По-французски: «Голова земли».

— Не робей, старуха! Через час профессор будет здесь,— сказал он нарочито громко, чтобы слышал и Жозеф.— А вы, доктор, дайте-ка ему пока каких-нибудь порошков от малокровия.

Потом, уже тише, Гастон спросил врача:

— Сколько он еще протянет?— и показал глазами на Жозефа.

— Часика два с половиной— три, не больше.

— Можете вы его чем-нибудь подержать?

— У меня есть камфара,— оживилась Поль Фоше, осматривая костюм Гастона.— Если профессор придет вовремя...

Гастон посмотрел на стальные часы.

— В четыре тридцать он будет здесь.

— Очень хорошо...

— Ребята,— перебил доктора Гастон,— обращаясь к грузчикам.— Если сюда зайвится мой управляющий и спросит, говорил ли я отсюда по телефону, отвечайте: да, говорил. А вот о чем и о ком я разговаривал, вы ничего не знаете. Понятно?

4

В белом свете автомобильных фар песчаная дорога казалась покрытой снегом. По бокам зубчатой черной стеной стояли густые кусты. Впереди, в полосе яркого света, они были серебристые, словно неживые. Машина шла быстро. Дорогу в Шенье Гастон знал отлично.

Гастон ехал встревоженный. Его беспокоило не только состояние Жозефа. Перед его глазами стояло недоверчивое лицо управляющего «Ля тет де терр» Огюста Лили. Несколько раз он переспрашивал Гастона, зачем господин Франсуа вызывает машину в город в такую пору. И если б не ловкое ввернутое Гастоном словцо о чаевых, обещанных шоферу молодым Эйошем, едва ли удалось бы получить ключи от гаража. Гастон знал, что если управляющий узнает о его проделке, он будет немедленно уволен. Но не это его волновало сейчас. Он обдумывал все мелочи рискованного предприятия: как увидеть профессора, что сказать?

«Паккард» остановился у небольшого особняка, расположенного в густом фруктовом саду, огороженном кованой узорчатой решеткой. Сад кончался у двухэтажного дома с тускло освещенными окнами. Там помещалась частная клиника профессора Ортона. Гастон ощупью разыскал в темноте кнопку звонка. Подумав, он нажал ее резко и сильно, как человек, имеющий на это все права. Переждав немного, он позвонил еще раз, мелко и нервно.

К калитке, позвякивая ключами, спешил сторож в пальто, наброшенном поверх нижнего белья.

— Кто там?

— Проводите меня к профессору.

— Профессор спит.

— Я из замка «Ля тет де терр», шофер господина Эйоша.

— Одну минуту. Я доложу профессору.

Сторож с уважением осмотрел внушительную фигуру Гастона, потом перевел взгляд на «паккард» и рысцой зашпешил к дому.

Минут через пять Гастон постучался в кабинет профессора.

— Вы от господина Эйоша?— спросил профессор.— Рассказывайте, пока я одеваюсь.

— Несчастный случай с сыном господина Эйоша,— начал Гастон.— Он возвращался...

— Говорите покороче,— перебил профессор, поправляя галстук.— Что случилось?

Гастон рассказал все, что случилось ночью на захолустной станции, совершенно точно. Изменил он только одну подробность: вместо пострадавшего грузчика Жозефа Бертрана он назвал другое имя — сына владельца поместья Франсуа Эйоша.

5

Время тянулось тягостно. Грузчики топтались на месте, посаывая потухшие трубки. Все чаще поглядывали они на круглые деревянные часы. Было что-то около четырех, когда сквозь дощатую стену пробился легкий, далекий шум мотора. Торопливо, оттирая друг друга от двери, высыпали грузчики на дощатый перрон и остановились в недоумении: вдали, в темноте, прыгал огонек ацетиленового фонаря. Скоро вместо ожидаемого автомобиля с профессором к деревянному настилу подкатила старенькая мотоциклетка управляющего помещением Огюста Лили.

— Вы не видели здесь Гастона Ришара?— спросил Огюст, слезая с сиденья мотоцикла.

Сухощавый, высокий, он строго по очереди посмотрел в лицо каждого грузчика. Потом снова повторил свой вопрос.

— Видели, господин Огюст,— ответил кто-то из-за спин товарищей.

— Что он здесь делал?— спросил управляющий, стараясь в темноте разглядеть, кто ему отвечает.

Но теперь ему ответило сразу несколько человек.

— Этого мы не знаем.

— Гастон заглянул к нам и сразу ушел.

— Не разговаривал ли он с кем-нибудь по телефону и не упоминал ли Гастон имя Франсуа Эйоша?

Поль Фоше вышел вперед:

— Прошу прощения, господин Огюст, но Гастон Ришар беседовал по телефону из соседней комнаты. Если мне не изменяет память, там в это время никого не было.

Грузчики дружно подакнули ему.

Огюст Лили, кивнув головой врачу и грузчикам, спрыгнул с деревянного настила и сел на мотоциклетку.

Крохотный красный огонек, мигнув, скрылся за поворотом дороги.

Через несколько минут «паккард» зашуршал шинами у палисадника, разбитого перед станционным домиком.

У изголовья Жозефа осталась одна Люси.

Едва лишь в открытой двери появился профессор, а за ним и Гастон, как грузчики кинулись навстречу. Их остановило спокойное движение Ортона. Профессор осмотрел почтительно посторонившихся грузчиков и тихо спросил у Гастона Ришара:

— А где же сам господин Эйош?
— Сейчас узнаю.

Гастон подошел к Полю Фоше и быстро шепнул:

— Имейте в виду, пострадавший — сын владельца «Ля тет де терр», — и потом обернулся к профессору: — Доктор не решился известить господина Эйоша о несчастье до вашего приезда.

Профессор осмотрел смущенного врача, затем перевел взгляд на решительные лица грузчиков и, не спрашивая больше ни о чем, принялся стаскивать перчатки.

— Освободите комнату от лишних людей, — сказал он, принимая от Гастона сак и банки с консервированной кровью.

Гастон выпроводил упирающихся грузчиков. Выходили они медленно, недоброжелательно поглядывая на атласные отвороты профессорского сюртука, на его длинные, холеные руки. Глядя на них, товарищи Жозефа вспоминали слова Поля Фоше: «Профессор Ортон приезжает на вызов тем скорей, чем больший гонорар его ожидает».

Но Гастон подталкивал их к двери.

— Идите, ребята, идите! Не медлите.

И так непривычен был для них просящий тон Гастона, его испуганные глаза, что они подавались ему и один за другим скрывались за дверью.

Проводив грузчиков, Гастон подошел к профессору. Ортон успел уже переодеться в белый халат. Не оборачиваясь к шоферу, он сказал:

— Я просил освободить помещение от посторонних,
— От посторонних?

Гастон оглядел комнату и недоумевающе посмотрел на профессора.

— Это кто? — резко спросил Ортон и показал рукой на Люси.

— Служанка, — твердо ответил Гастон и спокойно посмотрел в большие серые глаза профессора. — Прикажете удалить ее?

— Я уже просил вас это сделать, — сказал Ортон и отвернулся.

Гастон подошел к Люси. Она ничего не слышала, не понимала того, что происходит за ее спиной. Люси видела только, как увеличиваются тени под глазами мужа, как бледнеют его полные губы. И когда Гастон силой поднял Люси со стула и повернул к двери — слабую, покорную, — она поняла, что ее хотят увести отсюда, разлучить с умирающим.

Гастон почувствовал, как тело Люси сразу стало упругим, сильным.

— Не пойду! — хрипло сказала она. — Пусти! — И крепко ухватилась за спинку стула.

— Уходи, уходи! — горячо шептал

— Освободите комнату от лишних людей.

ей в ухо Гастон. — Молчи! Ты все поговоришь. Я привез профессора.

Люси рванулась от него. Она хотела броситься к профессору, сказать ему о себе, о детях. Ей все еще казалось, что никто, кроме нее, не сможет убедить другого, вызвав в нем сочувствие, если не к себе, так хотя бы к малышам.

Гастон крепко держал ее за руки, не давая двинуться с места.

— Что вы там возитесь? — обернулся к ним Ортон.

Люси увидела его лицо, строгое, недобвольное, и попятилась назад. Гастон подхватил ее под руку и быстро проводил на перрон.

Плотно прикрыв за собой дверь, Гастон вернулся к постели Жозефа и познакомил профессора с начинающим общим врачом.

Ортон, не подавая руки, слегка кивнул коллеге. Сделал он это вежливо и в то же время как-то небрежно, одновременно сунув ногой под диван кучу окровавленного тряпья и почерневших тапчонов.

— Приступаем, — просто сказал профессор и обратился к Гастону: — Вы мне пока не нужны.

7

Гастон вышел из комнаты и жадно вдохнул свежий предутренний воздух. На перроне его сразу же обступили грузчики.

— Ну, как?

— Что там?

Гастон отмахнулся от расспросов:

— Скоро все узнаем.

И отошел в сторону. Заметив, что за ним никто не идет, он быстро направился к палисаднику.

Люси сидела на краю перрона, свесив ноги вниз. Безучастно следила она, как бледнело вдали небо. На высоких кудрявых облачках появились нежные, как розовые лепестки, отблески подступающей зари. Гастон присел рядом. Ему хотелось поговорить с Люси. Начать беседу оказалось очень трудно. Утешать Гастон не умел, а завести речь о чем-либо постороннем ее горю не решался. Люси сгорбилась и походила на старую,

измученную женщину. Под легким светом гаснущих предутренних звезд волосы ее временами казались седыми...

На перроне видны были только расплывчатые силуэты грузчиков. Время от времени красные огоньки трубок тускло озаряли их нахмуренные лица.

Гастон поднялся. Ему не сиделось на месте. Он подошел к двери и прислушался. Тишина. Иногда слышался спокойный голос профессора.

— Что он говорит? — спросил у Гастона один из грузчиков.

Гастон пожал плечами. Он сам хотел спросить то же самое.

— Как думаете, Гастон, он выживет?

Гастон молчал. Молчал потому, что его тревожила тишина за дверью. Не такой представлял он себе операцию. Он ожидал крика, стонов... Тишина за дверью не нравилась ему.

Неожиданно громко скрипнула дверь. В светлом квадрате показался профессор. За ним и Поль Фоше. Затем их заслонила широкая фигура Люси.

— Пострадавший нуждается в длительном уходе... — говорил профессор следовавшему за ним Полю Фоше и остановился.

На пути у него стоял Гастон Ришар.

— Прошу прощения, — твердо произнес Гастон, — но у нас вышло маленькое недоразумение. Вы спасли не сына господина Эйоша, а нашего товарища, грузчика, отличного малого и отца двух замечательных ребят.

Профессор нервно теребил перчатки, не зная, как держать себя с Гастоном. Ортон, повидимому, давно уже догадался обо всем, но молчал, чувствуя себя целиком во власти обступивших его горячих, здоровых парней. Последняя фраза Гастона: «Вы спасли отличного малого и отца двух детей», помогла ему снова овладеть собой. Он мягко упрекнула Гастона:

— Напрасно вы занялись мистификацией. Как врач, я обязан помочь каждому, кто обращается ко мне. Это мой долг.

Профессор подумал, потом взял перчатку и церемонно пожал руки всем присутствующим, рассчитывая, что назавтра о его поступке напишет местная газета. В числе клиентов Ортона был и редактор газеты.

Поль Фоше незаметно отошел в сторону, чувствуя непреодолимую неприязнь к профессору, к его мягкой, холеной руке. Неожиданно он столкнулся с Гастоном Ришаром.

— Легко вы отделались, — сказал врач. — Профессор, видимо, не станет жаловаться на вас.

— Не так легко, как вам кажется, — ответил Гастон.

Они простились. Гастон занял свое место в машине. Она шла навстречу розовеющему небу.

Он вел машину к городу, стараясь не думать о завтрашнем дне, — ему так не хотелось расставаться с этим замечательным «паккардом» цвета спелой прованской вишни.

Небольшая полоса Афганской земли, достигающая в самом узком месте всего 15 километров, отделяет Советский Союз от английских колониальных владений. Скалистые снежные громады Гиндукуша образуют как бы естественный барьер, по одну сторону которого находится СССР, по другую — Индия, страна сказочных богатств, могучей и красивой природы. В Индии живет более 300 миллионов человек. После Китая это вторая страна на земле по количеству жителей.

Дымкой легенд окутано прошлое Индии. Огромные природные сокровища Индии манили к себе путешественников, торговцев, завоевателей. Одни шли сюда с целью исследования новых земель, другие — с целью наживы.

В Индии сосредоточено все богатство тропической фауны и флоры. На индийской земле растут хлопок, чай, рис, табак.

Роскошная тропическая растительность покрывает большую часть страны, и лишь на юго-западе тянутся горячие пески, но и здесь пятнами разбросаны цветущие оазисы финиковых пальм. В густых джунглях, где даже днем стоят сумерки, водятся слоны, тигры, носороги, леопарды, обезьяны.

Большие судоходные реки Инд, Ганг, Брахмапутра с их многочисленными притоками питают своей влагой плодороднейшие почвы. В недрах земли также скрыты не меньшие сокровища.

Трудолюбивому народу Индии, с его многовековой культурой, однако,

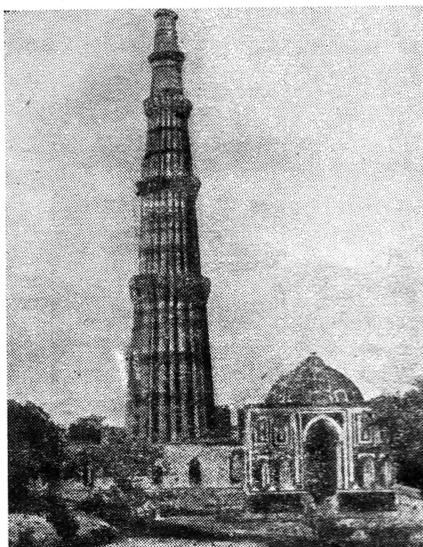
не суждено было стать полноправным хозяином всех своих богатств.

Европейские капиталисты, жаждущие расширения «сфер влияния», не могли пройти мимо такого лакомого куска. Сильнее других своих соперников оказалась Англия, и, проникнув сюда свыше 300 лет

назад, англичане постепенно прибрали к рукам всю страну. Опытные колонизаторы, не брезгающие никакими средствами в достижении целей, англичане прочно обосновались в Индии. Под их властью сейчас находится весь полуостров Индостан с прилегающими островами.

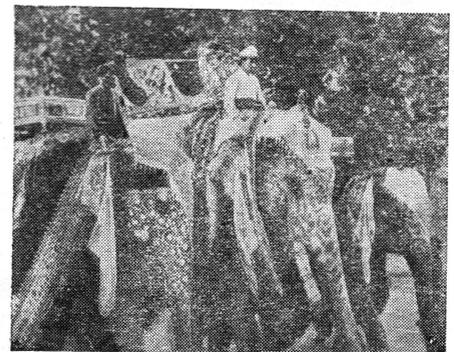
Ограбление и эксплуатация этой страны дала Великобритании возможность возвыситься до положения могучей мировой державы.

Лорд Керзон, бывший в течение ряда лет вице-королем Индии, как-то сказал: «Если мы лишимся какого-нибудь доминиона, мы выжи-

В Индии сохранилось много древнейших памятников многовековой культуры индийского народа: минареты, пагоды, дворцы. На снимке: минарет мечети Ад-Дина в гор. Дели.

Слоны в Индии используются как рабочая сила в горде и деревне. На снимке справа: городские «слоновые извозчики» ждут пассажиров.

Городская беднота: кули, углекопы, рикши, носильщики, добывая себе кусок хлеба, часто не имеют даже крыши, под которой можно было бы отдохнуть после тяжелого труда. Для таких бедняков базары — это дом, столовая, парикмахерская, баня и клуб. На снимке: рынок в Бомбее.

вем, но если мы потеряем Индию, солнце нашей империи закатится».

Не случайно, что в Англии популярным стало название Индии как «жемчужины британской короны».

Индийские деревни обычно имеют убогий вид, это примитивные хижины, крытые соломой. Средний размер крестьянского хозяйства в Индии не превышает двух га. Обработка таких клочков земли ведется вручную. На снимке: уголок деревни в провинции Пенджаб.

Природные богатства этой «жемчужины» — каменный уголь, нефть, железо, медь, никель, барит, висмут, золото, хлопок, каучук, рис и многое другое — обогащают английских капиталистов. Индия является также и огромным рынком, поглощающим продукцию основной британской промышленности.

Индия в административном отношении делится на Британскую Индию, где провинциями управляют английские губернаторы (эта

На площадях и улицах Бомбей, Калькутты, Мадраса и других городов выступают перед собравшейся толпой различные фокусники, факиры, акробаты. На снимке: заклинатели змей.

На снимке крестьянин из Пенджаба с сохой.

часть Индии экономически и политически более развита), и на туземные княжества, управляемые князьями, но подвластные Британии. Эта часть Индии является наиболее отсталой.

Всего в Индии 563 княжества, некоторые из них крупные, а большинство — просто феодальные поместья, владеющие несколькими деревнями.

В 1926 году британское правительство ханжески отметило отсутствие рабства в княжествах, а на самом деле рабы существуют и сейчас. В княжестве Котак все крестьяне — крепостные. Они не имеют права выезда из княжества без специального разрешения и не могут приниматься на государственную службу.

Грамотность населения в княжествах еще ниже, чем в Британской Индии, около 8 процентов. В Хайдарабаде, одном из наиболее развитых княжеств, всего 3,3 процента грамотных.

Английские империалисты искусственным путем задерживают раз-

Трудно прокормить свою семью, имея небольшой клочок земли. Многие индусские крестьяне поэтому занимаются кустарным промыслом. На снимке: двор «мастерская» деревенского горшечника.

Обливаясь потом, индусские крестьяне тянут груженую баржу. Такую картину можно наблюдать на многих реках Индии.

Английские колонизаторы широко используют на своих предприятиях дешевый труд индусских мужчин и женщин, работающих в каторжных условиях. На снимке: индусские рабочие у входа в угольную шахту.

Перевозка бананов по реке.

витие тяжелой промышленности Индии. Индийский рабочий — самый низкооплачиваемый в мире. По данным индийской делегации в международном бюро труда при Лиге Наций, в Индии насчитывается 40 миллионов безработных.

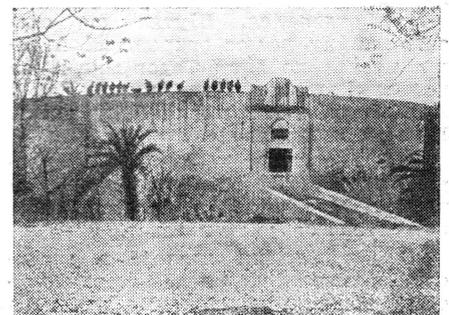
Особенно тяжело живет индийскому крестьянству. Почти вся земля находится в руках князей и ростовщиков (72 процента земли принадлежит 29 процентам земельных собственников). Миллионы крестьянских семей лишены земли, а 70 процентов населения Индии — крестьяне.

Крестьяне в княжествах обязаны свыше 100 дней в году выполнять принудительные работы по первому требованию князя или его чиновников. Во многих княжествах взимаются налоги за устройство свадьбы, за соблюдение народных обычаев, за право наследования.

Несмотря на тяжелые репрессии, индийский народ активно борется за свою независимость и свободу. За последние годы неоднократно происходили крупные волнения

крестьян. Участвуя в голодных походах, крестьяне идут сотни километров в центры провинций, чтобы вручить свои требования о ликвидации долгов, об уменьшении земельного налога.

Ширится и рабочее движение. Даже по официальным английским данным, в Индии в 1938 году проведено 339 забастовок, в которых участвовала 401 тысяча рабочих. Прогрессивные организации и партии Индии решительно высказываются против разбойничьей войны, затеянной Англией. Индия проснулась от многовековой спячки. Массовое движение против самодержавной власти князей и британского империализма растет с каждым днем. В национально-освободительной борьбе индийского народа участвуют все слои населения.

Место погребения умерших — Башня молчания. На стенах сидят кондоры.

П о с л е д н и е   д н и Г е о р г и я   С е д о в а

С. МАРКОВ

— Разрешите войти?

Плотный, еще не старый на вид человек в морской форме появился на пороге редакции «Правды Севера».

Он подошел к столу, поднес руку к козырьку фуражки и сказал просто и тихо:

— Пустошный, Александр Матвеевич.

Так мы увидели спутника великого полярника Георгия Седова.

Это было накануне двадцатой годовщины со дня смерти Седова — в конце февраля 1934 года, — когда Пустошный принес в редакцию небольшую заметку, посвященную этой дате.

Всею хотелось подробнее порасспросить Пустошного, и мы попросили его рассказать нам как-нибудь о героической экспедиции, о его знакомстве с Седовым, о смерти великого исследователя.

Пустошный охотно согласился на это, и через несколько дней мы вновь встретились с ним.

Вот что рассказал нам Александр Матвеевич.

В тысяча девятьсот двенадцатом году числился я учеником лоцмана. По делам службы я бывал на квартире у лоцманского командира Елизаровского. Как-то прихожу к Елизаровскому, а у него в гостях морской офицер сидит — такой обходительный, простой. Говорят — старший лейтенант Седов.

Прислушался я к их разговору, и краем уха слышу все насчет Северного полюса говорят.

Я в то время очень увлекался книгами о всяких путешествиях, и рассказы лейтенанта очень меня заинтересовали.

Как-то раз Седов и со мной заговорил.

«Хочу, — говорит, — полюс открыть, все думаю, как экспедицию туда наладить». Я ему и отвечаю, что люди для этого дела найдутся: дело важное. Он меня сразу понял и предупредил: «Смотри, Пустошный, ты еще молод, а дело, которое я затеваю, — опасное. Но если не боишься, я и тебя возьму...»

Я обрадовался. Шутка ли сказать — пойду полюс открывать! А через несколько дней Седов мне и говорит: «Готовься, Пустошный. Еду в Петербург, через месяц буду здесь. Начнем собираться».

— Вот, поглядите, какие объявления тогда печатали, — прервал свой рассказ Пустошный и протянул нам пожелтевшие листки газет.

«С разрешения господина министра внутренних дел, Архангельским обществом изучения русского Севера открыт сбор пожертвований на экспедицию капитана Георгия Яковлевича Седова к Северному полюсу. Пожертвования принимаются

5 марта 1914 года, на тридцать восьмом году жизни, погиб отважный русский исследователь Георгий Яковлевич Седов.

Смерть Седова была не случайной. Больше того, можно сказать, что этот замечательный человек был убит бюрократической косностью царского правительства и злым недоброжелательством «аристократического» морского офицерства, свысока глядевшего на сына простого рыбака-крестьянина, добившегося звания старшего лейтенанта только благодаря своему таланту.

Царское правительство оставалось тупым и равнодушным к смелым дерзаниям лучших русских людей.

И Седову, рискнувшему отправиться к Северному полюсу, пришлось на себе испытать всю косность царских чиновников и министров. Его смелые мечты встречали нескрываемое презрение и равнодушие. Фактически ему было отказано в финансовой помощи, и Седов предпринял свое путешествие к Северному полюсу в августе 1912 года на жалкие средства, которые дал сбор частных пожертвований.

А в августе 1913 года, когда со всей очевидностью выяснилась необходимость оказания помощи экспедиции Седова, в канцеляриях и департаментах морского министерства поднялась бюрократическая возня, было исписано немало бумаг, но помощь Седову послана так и не была.

На 82° северной широты, окруженный безмолвными льдами, 5 марта 1914 года Георгий Седов умер.

Всего четверть века отделяет нас от печального дня гибели отважного полярного исследователя, а сколько уже сделано советскими людьми по пути освоения Арктики. Забота, внимание, огромная моральная поддержка, теплота, которой окружены наши полярные герои, любовь к своей родине, любовь к великому Сталину, проявляющему отцовскую заботу о каждом живом человеке, — вот что движет, вот что толкает на подвиги советских людей.

Вооруженные могучей техникой, большевики завоевали Северный полюс. Героическая четверка папанинцев, достигшая полюса на мощных советских самолетах, осуществила вековую мечту лучших умов человечества. Вся страна, весь многомиллионный советский народ с волнением следил за дрейфом легендарной льдины. И когда папанинцам потребовалась помощь, эта помощь пришла вовремя.

Пятидесятая простых советских людей на ледоколе, носящем имя Георгия Седова, проделала не менее легендарный путь, обогатив ценнейшим вкладом дело изучения Арктики. И опять-таки, когда пришлось подать седовцам помощь, эта помощь была немедленно подана.

Живыми героическими делами чтит наша страна память о Георгии Седове.

в канцелярии общества (здание Городской думы, рядом с Мещанской управой)...» — прочитали мы.

— А вот и фотография у меня сохранилась. Взгляните. В середине сам Георгий Яковлевич, в белом кителе, рядом с ним Визе, тогда он еще студентом был, справа сидит — здоровяка такой — покойник Юган Тобиссар, матрос, а рядом с ним Григорий Линник, мой с Седовым товарищ по полюсной партии. Это они в Архангельске, на Троицком проспекте, снимались...

Ну, начали мы сборы делать. У нас в Соломбале плотников достали, дом стали строить разборный, баню, продуктовый склад.

Купец-норвежец был тут один, у него Георгий Яковлевич и купил посудину — «Святой мученик Фока» и право, что мученик! Норвежанин на этом «Фоке» возил сельдь да звериную шелегу. Но обшивка на «Фоке» была тройная, дубовая, толщиной в двадцать семь сантиметров.

Собрались мы все... Ну, я вам

лучше карточку покажу... Вот Седов, вот Кушаков — доктор, геолог Павлов, Пинегин — художник, он же фотограф, Визе, Линник, а вот и я выглядываю... Всего нас на борту было двадцать два человека.

Угля в Архангельске взяли с собой уйму; все угольные ямы были полны. А когда морской бар прошли, еще на всякий случай прихватили угля. Девять его некуда — навалили прямо на палубу. Наш «Фока-мученик» еле-еле только пловучесть сохранял. Ведь даже радио мы с собой не взяли — пришлось его оставить за счет мачтового материала.

Двадцать шестого мая тысяча девятьсот двенадцатого года снимаемся с якоря и прощаемся с «Социал-демократом». Ну, вы знаете, конечно, — он и сейчас на якорях там стоит, Северо-Двинский пловучий маяк; на нем две буквы белые — «С» и «Д».

Один у нас путь — вперед, к полюсу!

У Трех островов мы в первый шторм попали. Трепало «Фоку-мученика», било волной. Такой взводень на море ходил, что грузы с палубы смыло, палубную шлюпку и даже клетку с собаками тоже сорвало в море. Переждали шторм, пошли дальше. На пятый день мы уже в Баренцово море зашли. Лед кругом, плотный и торосистый. Трое суток, помню, между льдов толкались. Тогда надумали курс сменить — лучше вдоль Новой Земли к мысу Желания итти, а там уже взять курс на норд. В Архангельской губе начальник решил часть команды снять на берег. Провианту было у нас мало, харчиться надо, а впереди зимовка. Вот Георгий Яковлевич лишние рты на Новой Земле и оставил.

Пошли отсюда на север вдоль Каменного острова, а в проливе у Гербовых островов «Фоку» на мель и надвинуло. Ни туда, ни сюда! Сняли часть палубного груза, «Фока» полегчал, пошли дальше. Глядим, за Панкратьевскими островами сплошной полосой лед. «Что ж, — говорит начальник, — будем, ребята, зимовать».

С тех пор и появилась бухта Фоки на картах. Началась наша зимовка. Унывать некогда было. Начальник нам книги читал — про Баренца, Кабота, Норденшельда, Франклина, — как они все со льдом боролись и шли к цели и как Баренц на флейте играл, чтобы его люди не унывали. Театр на «Фоке» завели. Первый артист у нас был Линник, и даже женщин некоторые играли...

Меня Визе научил наблюдениям по метеорологии; вот снимок — температуру воды измеряю. Всякие наблюдения делаю.

Седов сам к мысу Желания хо-

дил, Визе с Павловым поперек Новой Земли бродили.

Угля у нас мало было, так мы лес-плавник на берег вытаскивали, все на топливо запасали. Георгий Яковлевич опять решил пять человек оставить на зимовье на Новой Земле. Они в марте туда и пошли. А мы готовились снова к северу выступать.

А «Фока» наш, мученик, так вмерз в лед, что мы месяца два канал прокладывали, чтобы на чистую воду выскочить. Пилим лед, а уже август проходит.

До третьего сентября тянулась эта волянка. А тут погода изменилась. «Фока» и зашевелился! Все наверх повывскакивали. Видим — взломало лед в бухте. И «Фока» наш двинулся на юг, в обход льдов. Вскоре вырвались на чистую воду. Пошли к мысу Кап Флора, на Земле Франца-Иосифа углем разжигаться. Действительно, уголь нашли. Там в бухте шесть построек было поставлено от прошлых экспедиций. Моржей здесь стали бить, сорок голов упромыслили. Шкуры вместе с салом в трюм положили; думаем, на топливо еще пригодятся, а мясо — собакам... Пошли Британским каналом. Он извилистый — вьется туда и сюда! На широте мыса Муррей встретили целые громады льдов. Зандер, механик, тут еще начальнику докладывает, что топливо кончилось. Вот ты дьявол! Опять зимовка — дальше не пойдешь! Стали мы в бухте Тихой, против Рубиновой скалы. Пришлось перебраться всей команде в кормовые помещения, из трюма продукты туда же взяли. Крыс проклятых у нас столько развелось на «Фоке», что даже на вторую палубу выбегали из трюмов. Поохотились мы на них тогда...

Седов на капитанском мостике у границы льдов.

За Рубиновой скалой Земля Франца тянется. Место неведомое. Начальник и говорит: «Надо исследованием заняться». Тогда туда Коноплев и Линник пошли. Во второй раз начальник взял меня и Линника. Ходили мы по Британскому каналу, по западным берегам. Начальник, я уж говорил, человек был простой. Он ведь сам помор был, хоть и с Азовского моря. Рассказывал нам про свою жизнь, как в люди выходил, учился, Колыму описывал. Втроем-то мы и сдружились тогда.

Линник, Григорий, отчаянный был человек. Он всю Сибирь прошел, приискателем был.

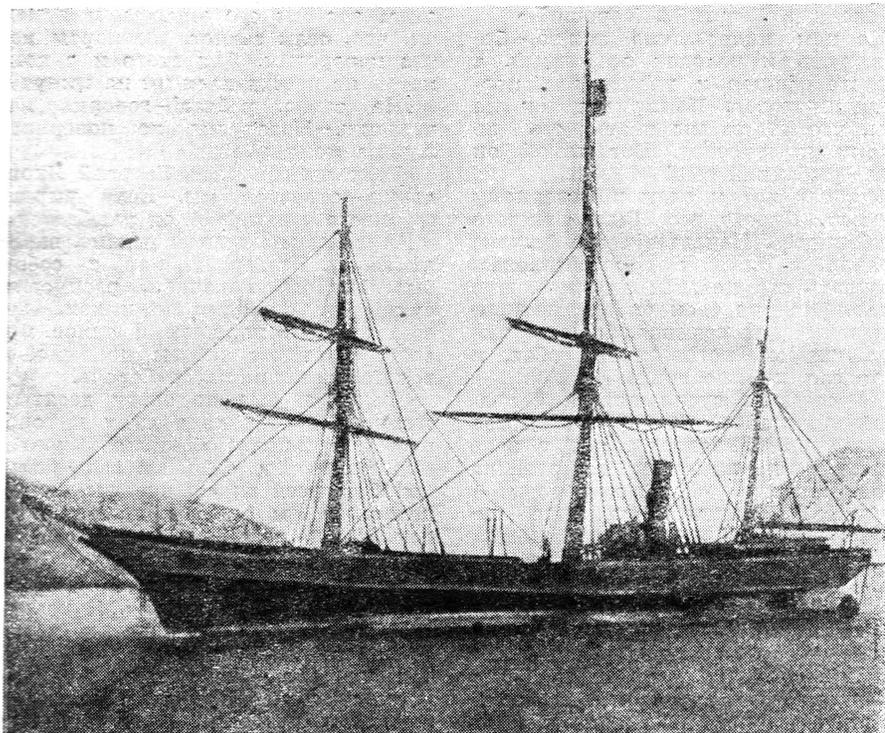
А теперь про полюс, самое главное расскажу. Начальник первоначально ничего нам не говорил. Все обдумывал, видно.

А раз — никогда я этого не забуду — готовились мы заночевать в палатке, а Седов вдруг и говорит нам из темноты:

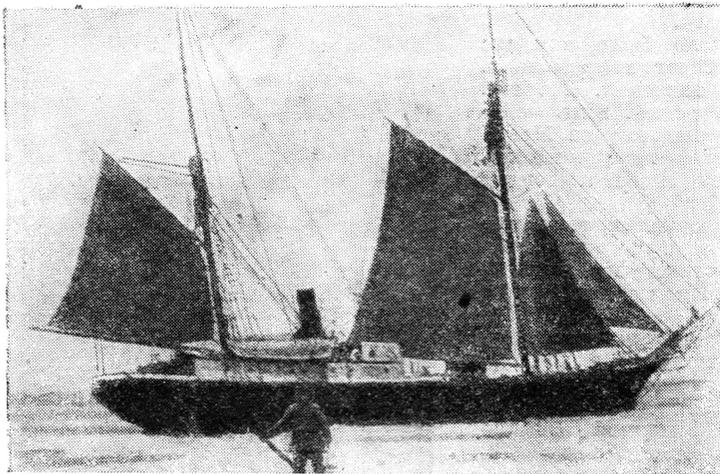
«Слушайте, ребята, что я вам скажу. Есть одна великая цель, и, если мы захотим, — достигнем ее. Я вам читал про Баренца и Франклина. Они шли — не боялись, и если и погибли, так не задаром. Цель у меня всю жизнь одна — открыть полюс. Вы знаете, что до полюса от нас всего шестьсот миль. Неужели мы их не пройдем? Люди вы крепкие, здоровые, да и я на здоровье не жалуюсь. Подумайте, ведь только шестьсот миль пройти! Пройдем если — сделаем подарок всему миру, а если погибнем — так не зря. Пойдете ли вы за мной, согласны ли послужить науке? Вы — люди простые, говорите без хитрости, прямо».

Много мыслей у меня пронеслось тогда в голове. А Линник отвечает Седову вроде как шуткой, что если, мол, нужно, пойдем и к полюсу, а начальника одного туда не пустим. В ту ночь и порешили итти в поход и поставить на полюсе русский флаг... Флаг у Седова хороший был — припасен — шелковый.

Вернулся мы на судно, а там люди лежат в цынге. Коноплев болен, машинист Коршунов тоже.

Судно «Св. муч. Фока» в первоначальном вооружении.

Судно «Св. муч. Фока», затертое льдами в Баренцовом море. Справа — каюта Седова.

Начала наша полярная партия снаряжаться. Брали с собой нарты, больше двадцати собак ездовых, провиант на восемь месяцев житья, оружие, приборы разные для наблюдений.

А цынга свое дело делает. К январю четырнадцатого года заболели штурман Сахаров, буфетчик Казино, матрос Шестаков. И сам начальник на десны стал жаловаться. Все больше он в своей каюте лежал и людей туда по делам вызывал. Ну вот в середине января, помню, меня кличет вахтенный начальник:

«Пустошный, зови Линника и идите к начальнику в каюту».

Мы с Линником идем. Смотрим, Седов — веселый, хоть и лежит на койке.

«Ну, — говорит, — полярная партия, что на сегодняшний день сделано? Все ли в порядке? Доложи, Линник!»

Григорий все объяснил.

«Ну, скоро к полюсу пойдем», говорит начальник.

«Есть итти к полюсу!» отвечает Линник, и я за ним повторяю эти слова.

«Дойдем, ребята», говорит начальник весело.

Перевел он нас с Линником на усиленный паек. Скоро и Седов отлежался, вышел из каюты. Велел он нам с Григорием Линником собак откармливать моржовым мясом, самим — на тяжелые работы не ходить, силы сберегать. Себя он совсем здоровым чувствовала и пятнадцатого февраля велел запрягать собак.

Мы с Григорием живо уложили груз на обе нарты, в каждую нарту по дюжине собак запрягли. Кок хлопочет с утра — прощальный обед готовит. День был серый, неприглядный... Для обеда все в салоне собрались, обедали молча. В конце обеда начальник встал и прочел приказ о выходе.

Все, кто был на «Фоке», нас провожали. Десять миль с нами вместе шли. Затем Седов говорит: «Пора расставаться. Не прощайте, а до свидания. Ждите нас с полюса в августе!» Из ружей выстрелили в честь нашего выхода, снимки сделали, и мы двинулись на север.

Ходко шли, хорошо; собаки сытые, гладкие. И начальник веселый, будто все, что мы делаем, — обычная

вещь, вроде как в гости едем. Ни о чем другом начальник не говорил, как только о полюсе; такая у него вера в удачу была. Геройский человек он был, с таким не страшно!

План был у него такой: дойти до Теплиц-Бая, там как следует отдохнуть. Карту-то мы хорошо знали! Знали, как итти. Начальник все время на компас глядит и улыбається — стрела на норде лежит!

А впереди — льды да льды светятся. Нет, нет, да и попадается полярника, разводья; обходим их и движемся дальше. Мороз все время сорок градусов.

Так шли сутки целные, а на вторые — разбила палатку. Я за чем-то к Седову обращаюсь и говорю: «Господин начальник...», а он меня перебивает: «Нет, Александр, меня так не зови. Сейчас мы — братья: идем к одной цели. Давайте звать друг друга по именам: Григорий, Александр, Георгий... Хорошо?»

Но нам непривычно как-то, — Седов, хоть и человек особенный, а все же офицер и учнее нас, простых матросов. Помирился он на том, что стали мы звать его по имени и отчеству. Вот какой он был — рыбацкий сын!

Ну, так вот и едем к Северному полюсу. Просто все было, ничего особенного... Начальник все больше молчал, а Линник нас развлекал. Слушать его целыми днями можно было. Все про свои сибирские приключения рассказывал. Он еще там был каюром, погонщиком собак, и это дело хорошо знал.

На седьмые сутки остров Елизаветы показался. И только тогда начальник обмолвился, что у него что-то ноги пристаивали и одышка стала мучить. «Ничего, — говорит, — в бухте Теплица передышка будет...»

Сполох на небе встает и играет, сами скрипят. Идем рядом с нартами. Линник нет-нет да поглядит, не обронили ли чего.

Восемь суток прошло, как мы с «Фоккой-мучеником» расстались.

На девятые сутки первое беспокойство у нас появилось. Утром, после привала, начальник стал снимать меховые сапоги и снять их никак не может. Стащили мы кое-

как и глядим: ноги у Георгия Яковлевича распухли, кожа бледная-бледная, а на ней черные пятна. Ну, известно, что это такое... Но мы с Григорием виду не подали, достали спирт и ноги начальнику растерли. Григорий утешает: «Пройдет, мол», а сам в сторону отворотился, чтоб не видно было, как он побледнел. А ведь он бывалым человеком считался! А начальник не потерялся, хоть и понимал, что он в цынге.

Шутит и компаса из рук не выпускает... Он в тот же день перешел на переднюю нарту. Мы с Григорием попеременно шли около передних саней.

Молчит наш начальник, смотрит на компас и спит плохо.

«Георгий Яковлевич, — мы ему говорим, — вы отдыхайте, мы за григорием посмотрим...» А он головой качает.

Это у него хитрость была. Он знал, что мы его жалеем, и думал он, что, если заснет, мы нарты назад поворотим. Для этого и с компасом не расставался ни на минуту.

«На север, ребята! — говорил начальник. — Назад мы не повернем. Лучше меня убейте!»

«Грех вы говорите, Георгий Яковлевич, — отвечаем мы. — Если умрем, то вместе с вами!» А он улыбается...

Привалы мы делали редкие, варили пищу. Примус у нас с собой был. Мы его накачаем, распустим сухой бульон, едим пеммикан, был еще яичный порошок и сухое молоко. О харчах заботы не было, а вот керосин пришлось беречь.

Помню я, был по счету десятый ужин. Мы набрались духу и говорим начальнику: «Георгий Яковлевич, пожалейте себя, вы ведь больны! Вернемся на «Фоку», вы поправитесь, и мы снова к полюсу пойдем. Мы не за себя — за вас боимся».

Начальник спокойно так ложку в сторону отложил, помолчал и громко ответил: «Нет, друзья. Я решил твердо — пусть я погибну, но к полюсу приду. Да я и не так болен, как кажется... До зимовья Абруццкого герцога доберемся, возьмем продукты, керосин... А за меня вы не бойтесь. Лучше дневник ведите, я сам сейчас писать не могу...»

Да, я забыл совсем про один лау-

чай помянуть. На седьмые сутки нашего похода медведь проклятый, чтоб ему пусто было, притащился к самой нашей палатке. Григорий его увидел, выскочил и погнался за зверем. Начальник тоже не вытерпел и побежал вслед Григорию. Приходит наш Георгий Яковлевич весь мокрый — в пользыню попал. Хорошо — не утонул. Насилу мы его уговорили хоть нижнее платье сменить. Но с того дня у него боль в груди появилась и ознобом стало бить.

На одиннадцатые сутки Линник говорит: «Земля Александры показала!» А начальник уже и двигаться не может. Мы его с Григорием из палатки выносим прямо в спальном мешке. Он молчит, а сам все время на стрелу компасную смотрит. Ни одной жалобы мы от него ни разу не услышали! И все в полном сознании он был... Тяжело ему было — больному. Лед торосистый, нарты по льду прыгают... Туман над льдами кругом, видно плохо.

Подойдешь к самым разводьям — слышно, как моржи шумят. А торосы, ропаки ледяные — от самого острова Кетлица до Елизаветы... И все нам начальник велит в дневник записывать.

Не забыть мне этого похода. То туман, то снега так блестят, что ослепнуть можно. Начальник приказал нам очки синие надеть... И так мы ехали до первого марта. На привалах все время спиртом начальника оттирали. А пятна черные у него с каждым днем по телу все больше и больше ползут.

И десны стали слабы у него. Возмет чистый платок, десны им протрет, и все полотно от крови почернеет.

В день первого марта началась сильная пурга. Поглядели мы на карту — видим, что дошли до мыса Бророк, на самый южный конец земли Рудольфа. Теперь это место — историческое, и надо бы назвать его в честь нашего Георгия Яковлевича...

До мыса Бророк — всего три мили, а от Аbruццкого герцога зимовки в Теплиц-Бае — пятнадцать миль!

Ведь совсем было дошли до перепутья нашего!

Мороз в тот день стоял минус 60 по Цельсию. Четыре собаки в тот день у нас возле палатки замерзли. В палатке, конечно, потеплело. В ней мы бурю и пережидали. Начальника мы занесли в самую глубину палатки. Лежал он в спальном мешке и все молчал, хоть и был в сознании. Только временами мы слышали, как он про себя повторял: «Эх, эх, пропало все дело... Неужели не дойдем?»

Лежит, а платок весь от крови черный и замерз — коробом стоит. Глаза у начальника ввалились, лицо темное и глядеть на него страшно. И мы с Григорием молчим, жалость за душу берет, понимаем, что он уже не жилец на белом свете, наш Георгий Яковлевич. А он нас все просил эти дни, если он погибнет, чтобы мы дневника только не бросали и все подробно записывали...

Так сидели мы под бурей в палатке до пятого марта тысяча де-

вятсот четырнадцатого года. Самое страшное в этот день утром и случилось...

Вдруг, слышу, начальник говорит, да бодро так: «Григорий, Александр! Вы бы меня покормили, я есть хочу... Бульон сварите, что ли...» Мы обрадовались: лучше начальнику стало — то все время ничего в рот не брал, а тут сам попросил есть!

Бросились мы примус накачивать. А он у нас горел в палатке все время; иначе мы бы замерзли. Сидишь к примусу лицом и тепло будто, а спина в то время в инее вся!

Закипел наш бульон, вынули мы ложку и подали начальнику. Но он вдруг говорит: «Что-то, друзья, мне расхотелось есть. Вы ешьте, а я немного подожду...»

Мы с Григорием хлебаем бульон, сидя спинами к начальнику, возле примуса. Вдруг слышим хрип какой-то страшный. Мы кинулись к Седову.

Начальник лежал в спальном мешке, приподнявшись. Он весь вытянулся, уперся головой в стенку палатки, а сам хрипит...

«Георгий Яковлевич! — закричал Линник. — Начальник, что с вами?» и бросился к Седову.

Григорий приподнял начальника. Хрипа уже слышно не было... Выравнивает Линник тело начальника, поправляет мешок и вдруг отступает и тихо зовет меня подойти. Я подошел, взглянул на лицо Георгия Яковлевича и сразу все понял... Начальник был уже мертв.

Что тут было дальше — плохо помню. В палатке-то в тот день слезы на щеке мерзли. Помню, что мы с Григорием долго-долго слова не могли вымолвить, помню, как буря шумела, палаточный холст хлопал... И сил нет подойти ближе к мертвецу.

Так и стоим посреди палатки и глядим друг на друга.

Седов у собачьей упряжки (последний портрет).

В молчанье провели мы первый день без начальника. Разговоры у нас не выходили. Слушаем бурю, и каждый, наверно, думает о своем сиротстве... Какого человека потеряли! Да не только мы с Григорием осиротели — вся Россия капитана Седова лишилась...

Шестого марта нам откапываться пришлось. Собак и нарты возле палатки снегом занесло. Мы давай их отрывать. Тихо стало. Снег сыпучий кругом. Подняли собак, запрягли и стали собираться. Вынесли из палатки тело начальника и положили на нарты.

Двинулись к бухте Теплица — взять продукты, керосин, отдохнуть, собрать мысли и решить, что дальше делать. Шесть миль не дошли до бухты. Григорий меня толкает, смотрит, мол! Я взглянул и обмер. У входа в бухту — открытая вода, и так ее много, что глазом нельзя ее охватить. Нечего и думать, что по такой воде до цели дойдешь. Вновь мы друг на друга долго глядели, как в час гибели начальника. Григорий головой кивает: идем, мол, обратно. Добрались до мыса Бророк и стали искать достойное место, где похоронить полярного героя. Видим — в воду падает глетчер, берег высокий, весь из скал — величавая красота! Тут, думаем, похороним начальника. От глетчерной морены отсчитали пятьдесят сажен. Здесь два больших камня — каргуна. Большие валуны, а вокруг — камни вроде плит набросаны.

Мы взяли шелковое знамя для полюса — я слышал, будто супруга Седова сама это знамя шила, — положили его меж камнями и опустили туда тело начальника. Плитами покрыли мертвеца, а потом мелких камней насобирали и сыпали их между валунов и плит. Крепкая могила получилась. Три часа мы все это печальное дело завершали.

Выросла могила каменная, попрощались мы с ней и двинулись в обратный путь. Несколько собак возле могилы начальника осталось, остальных впрягли в нарты.

Двенадцать дней шли мы с Григорием и каждый час думали, что расстаемся с жизнью. Руки и ноги поморожены, из носа и ушей течет кровь. Керосина нет. Вместо воды снег едим.

Но, однако, выжили мы, не упали на пути и восемнадцатого марта видим издали — наш «Фока-мученик» стоит!

Да, многие померли, кто на «Фоке» ходил, — Зандер, Коноплев, Юган Тобиссар...

С Григорием Линником мы в Архангельске расстались, — а где он сейчас, не знаю.

Вот еще получилось интересно, что собака Белька, которая с друзьями осталась у могилы начальника, через два месяца пришла в бухту Тихую... И как она добралась — диву можно дать...

И вот теперь я единственный участник полюсной партии капитана Седова, оставшийся в живых. И всегда я думаю: если бы начальник не заболел, то мы дошли бы до полюса и нашли бы там место, куда вкопать наш флагшток...

БРОГМУРСКИЙ УБИЙЦА

ФРЭНСИС ДЖЕК МОНГОМЕРИ

Рисунки В. ДОБРОКЛОНСКОГО

Начальник Брогмурской тюрьмы Бейкерфильд подал своему секретарю письмо, текст которого был составлен печатными буквами.

Джендола прочел:

«Начальник Бейкерфильд!

Сегодня ночью будет убит один из ваших заключенных. Он умрет после страшной агонии. Затем смерти заключенных последуют одна за другой, пока вы не подадите в отставку.

Один из бывших заключенных».

Секретарь пожал плечами. Еще один обиженный. Бейкерфильд был известен своим зверским обращением с заключенными. И эта угроза не удивила.

Методически потягивая трубку, Бейкерфильд произнес:

— Пустая угроза...

Тюрьма спала. Заключенный 2714-й приподнялся на своей койке со странным чувством беспокойства. По лицу струился ледяной пот. Он попробовал стать на ноги, но колени его подогнулись, и он во весь рост растянулся на холодном цементном полу, хрипло дыша. Силы оставляли его. Охваченный паническим ужасом, он ползком добрался до двери. С большим трудом ему удалось слегка постучать. Прибежал ночной надзиратель и повернул выключатель. Камера осветилась... Через секунду надзиратель очутился в конце коридора и снял трубку внутреннего телефона.

— Доктора к 2714-му, скорее! У него кровотечение.

2714-й уже агонизировал. Из его ушей, глаз, носа, рта струйками вытекала кровь. Несчастного уложили на койку. Он уже не мог произнести ни слова, и только лицо было искажено страданием. Остановить кровотечение не удалось.

Прибежал начальник тюрьмы Бейкерфильд в сопровождении старшего надзирателя, грозного Хиггинса.

— Он умер, — заявил доктор.

Через полчаса приехал инспектор полиции Арнольд Рапер со своими подручными. Они произвели осмотр камеры, где все было оставлено без изменений, эксперты сфотографировали тело. Рапер обратился к доктору:

— Мы не нашли никаких следов преступления. Может быть, вы дадите ваше заключение, доктор?

— Артур Джон Тиббет из камеры 2714-й умер от отравления. Но я не смог установить, какой яд убил его, — ответил доктор.

В тюрьмах новости распространяются быстро. Утром три тысячи заключенных Брогмура знали, что один из их товарищей был отравлен в своей камере. Узнали и об угрозе начальнику тюрьмы. Заключенные, выражая свои чувства, кричали хором из всех камер: — Отставка! Отставка!

Рапер размышлял. Ни разу не встречаясь он с таким необъяснимым убийством. Лаборатория полиции все еще не сообщила ему названия страшного яда, найденного во внутренних органах отравленного. Заключенные в соседних с Тиббетом камерах не смогли сказать ничего ценного. Помощники Рапера просматривали дела недавно освобожденных и внимательно изучали список посетителей прошедшего дня. Инспектор, сидя в кабинете начальника тюрьмы, старался его успокоить.

— В двадцать четыре часа убийца будет в наших руках...

В кабинет внезапно ворвался старший надзиратель Хиггинс, который, задыхаясь, прокричал:

— Начальник, идите скорее в сапожную мастерскую... 912-й умирает!

...Симптомы были такие же, как и у жертвы предшествующей ночи. Заключенный истекал кровью. У доктора, тщетно пытавшегося остановить кровавые потоки, инспектор спросил:

— Может он говорить?

Доктор отрицательно покачал головой, но инспектор, уловив блуждающий взгляд умирающего, быстрым движением отвернула крышку вечно пера и протянула несчастному заключенному блокнот.

Ферджесс попытался схватить ручку, но его парализованные пальцы тут же выпустили ее, и перо упало на пол.

— Доктор, — потребовал Рапер, — сделайте ему впрыскивание кофеина. Необходимо, чтобы он продержался еще несколько минут.

Раперу пришла в голову удачная мысль. Он поднял упавшее перо, и, пока доктор делал укол, Рапер начертил на блокноте буквы алфавита и стал медленно водить рукой умирающего. Дойдя до буквы «д», инспектор почувствовал легкий толчок. На отдельном листке он записал букву «д».

Так они прошли весь алфавит и начали сначала. Мало-помалу выросла целая фраза. Начальник тюрьмы, читавший через плечо Рапера, с изумлением увидел запись:

«Джендола меня толкнул...»

Ферджесс оставил последние силы. Рапер вдруг понял, что держит в своей руке пальцы трупа.

Без всяких следов волнения секретарь Джендола встретился глазами с начальником тюрьмы.

— Я знаю, что хотел сказать Ферджесс, — заявил он. — Сегодня, направляясь в контору, я встретил Ферджесса. Он потихоньку курил папиросу. На мое замечание он ответил, что, если я желаю вмешиваться во внутреннюю дисциплину, мне нужно надеть форму надзирателя. Я его слегка толкнул...

— Убийцу! Убийцу! Убийцу! — дико неслись крики заключенных.

Рапер подавил вздох.

— Доктор, сделайте ему впрыскивание.

— Выйдем отсюда, начальник, — предложил он.

В кабинете начальника на столе лежало письмо, которое Бейкерфильд распечатал дрожащими пальцами. Новое сообщение гласило:

«Начальник Бейкерфильд. В ближайшую ночь умрет третий заключенный, если до этих пор вы не подадите в отставку.

Брогмурский убийца».

В конторе начальника, защищенной десятком пулеметов, тюремное начальство и полицейские кончали легкую закуску. Лаборатория полиции вызвала Рапера к телефону. Долгое время инспектор не отнимал трубки от уха.

— Господа, — сказал он, кончая разговор, — сообщаю вам, что заключенные Тиббет и Ферджесс были от-

равлены ядом кобры, приготовленным индийским способом. Этот яд вызывает общий разрыв артерий...

Он остановился, видя, что Взгляд начальника тюрьмы и его секретаря внезапно обратились к доктору. Наступила неприятная пауза, затем доктор заговорил с легким замешательством:

— Я почти всю жизнь прожил в Индии... Без сомнения, начальник Бейкерфильд и секретарь находят удивительным, что я не смог распознать яд...

Ни Бейкерфильд, ни его секретарь не отвечали. На лице начальника тюрьмы отражалась усталость.

Запертые в свои клетки, три тысячи заключенных металась, как в агонии. Панический ужас превратил тюрьму в огромный зверинец. Крики заключенных, вырываюсь из камер, усиливались многократным эхом бесконечных коридоров.

— Нас осудили на заключение, но не на смерть! Отставку начальнику, отставку!

Внезапно Бейкерфильд вскричал: — С меня довольно! Хотя эти мерзавцы моей отставки? Хорошо, я подам в отставку.

Он поспешно протянул руку к телефону. Рапер силой удержал его.

— Не трогайте аппарат, начальник. Я жду сообщения из полицейского управления.

— Наплевать! — прервал Бейкерфильд, окончательно потерявший самообладание. — Вы целый день звоните в полицию, а что толку? Ха, ха, ха! Вы просто смешны. Как видно, вы ждете, что ваши друзья сообщат вам имя убийцы?

— Замолчите! Я жду с минуты на минуту, что мне сообщат имя следующей жертвы.

В конторе начальника воцарилось молчание. Рапер повернулся к доктору.

— Доктор, — сказал он, — дайте же начальнику полстаканчика старого виски из фляжки, которую вы таскаете в заднем кармане, хотя это совершенно против правил.

— Тот, — продолжал спокойно Рапер, — кто совершил эти два умело разработанных убийства и готовится совершить третье, четвертое, пятое, допустил ошибку. Он выдумал историю, в общем довольно правдоподобную, об освобожденном преступнике, жаждущем отомстить Бейкерфильду. Но с первой же минуты я понял, что требование от-

ставки маскирует нечто иное. Несколько полицейских инспекторов целый день изучали прошлое заключенных Тиббета и Ферджесса...

В этот момент телефон зазвонил. Рапер схватил трубку.

— Алло! Слушает Арнольд Рапер.

Через минуту инспектор обратился к начальнику тюрьмы:

— У вас должен здесь находиться заключенный Саймон Метс, осужденный на десять лет за кражу.

Бейкерфильд, бледнея, указал на план, прикрепленный к стене.

— Саймон Метс, галерея «В», второй этаж, камера 33...

Арнольд Рапер бегом пересек двор и появился в галерее «В».

Вот и камера 33. Саймон Метс поднял глаза на взволнованного инспектора.

— Скорее! Опишите, как вы провели сегодняшний день!

— Утром, ответил заключенный, — я работал в шеточной мастерской. После обеда подстригал сад начальника тюрьмы. Он был в хорошем настроении, поговорил со мной и даже дал папироску...

— Вы ее выкурили?

— Нет еще.

— Дайте ее мне.

Через час инспектор снова появился в кабинете начальника тюрьмы.

— Бейкерфильд! Я могу вам сообщить, что броммурский убийца пойман, он находится здесь же, в тюрьме...

Глаза Рапера и начальника встретились...

Рапер продолжал:

— Сегодня мне сразу стали ясны две вещи: во-первых, кто-то заинтересован в уничтожении Тиббета и Ферджесса; во-вторых, убийца должен принадлежать к тюремной администрации, а трюк с письмами ему понадобился, чтобы отвести от себя подозрения.

Я получил также информацию из суда, где указывалось, что прокурору нужны свидетельские показания Тиббета, Ферджесса и еще одного, третьего... По счастливой случайности он еще не убит. Эти показания нужны для обвинения пресловутого Намары, международного гангстера, арестованного две недели назад...

И вам, Бейкерфильд, это должно быть известно лучше, чем мне, потому что вы вошли в соглашение с людьми из банды Намары и за хорошую сумму денег согласились уничтожить опасных ему свидетелей. Я вынужден буду об этом сообщить начальству.

Бейкерфильд, с перекосившимся от злости лицом, вскочил, как ужаленный.

— Чего вы от меня хотите? Да, я убил двух каторжников. Ну и что же?

Дальнейшие слова трудно было разобрать. Из всех камер, нарастая, шел чудовищный грохот.

Разнося в куски скучную мебель, заключенные пытались разбить свои решетки.

Это было уже настоящий бунт, стихийный протест против страшных, таинственных убийств.

ВКУСЫ

цивилизованных дикарей

За границей широкое распространение получила профессия татуировщиков.

В Лондоне на улице Ватерлоо находится лавка татуировщика м-ра Барчетта, который придал ей вполне respectable медицинский вид.

Лавка татуировщика.

Специальность м-ра Барчетта — производить чудовищ и феноменов, которых потом демонстрируют в ярмарочных балаганах и мюзик-холлах.

«Я сделал «Синего человека», эту звезду цирка, — с гордостью заявляет м-р Барчетт. — Сто пятьдесят часов ушло у меня на то, чтобы разукрасить все его лицо и тело синими арабесками».

Клиенты татуировщика любят украшать свои тела разными страшными и отталкивающими фигурами: виселицами, гильотинами, средневековыми камерами пыток. Очень ценятся такие изображения, как гримаса ужаса на лице повешенного, дымящаяся кровь, сочащаяся из отрубленной головы...

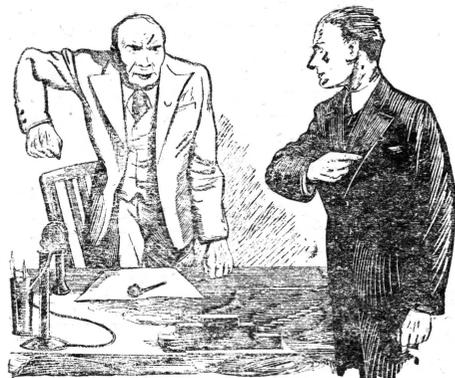
Одна англичанка решила заменить губную помаду татуировкой. Ее губы татуированы «навечно» в красный цвет.

Среди заказчиков татуировщика много представителей преступного мира, которые «украшают» себя эмблемами различных воровских и грабительских специальностей, начиная от шестиугольной звезды с решеткой в середине, по которой узнают друг друга бывшие заключенные известной тюрьмы, и кончая сломанным якорем на левой руке выше локтя, что означает братство рецидивистов-грабителей...

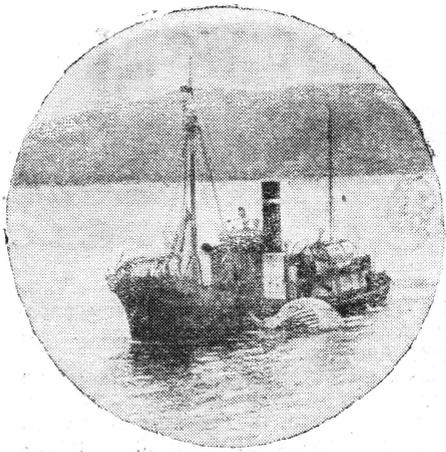
ПОПРАВКА

В № 11-12 на 3-й стр. обложки в заметке «Падающие башни» перепутаны подписи к части снимков.

Следует читать: сверху слева — колокольня в городе Сан-Морице; ниже — древняя сторожевая башня в городе Бад-Эмсе; в центре — Пизанская башня; внизу слева — башня в городе Ульме.

Я жду сообщения из полицейского управления.

Китобойи

В. ЛЬВОВ

Фото автора

На пароходе «Анадырь» зимовщики полярных станций восточного сектора Советской Арктики возвращались на Большую Землю. Пройдя Берингов пролив и оставив позади бурное Чукотское море, мы вошли в бухту Провидения и, миновав высокие безлесные берега, подошли к пристани. Здесь нам предстояло взять уголь. Несколько дней шли погрузочные работы, в которых участвовали все трудоспособные пассажиры парохода. В свободное время мы осматривали поселок, противоположный берег бухты и бродили по склонам сопков, окружающих ее.

Наконец, погрузка закончилась, и «Анадырь» продвинулся ближе к выходу из бухты, чтобы набрать пресной воды из горного потока, стекающего по склонам сопков.

Здесь мы увидели пароход «Алеут» — базу советской китобойной флотилии на Дальнем Востоке.

Китобойная флотилия была организована в 1933 году. В ее состав входят китобойная база «Алеут» — большой пароход водоизмещением 11 тысяч тонн, несколько маленьких китобойных судов и несколько разведчиков китов.

Около «Алеута» покачивался на воде маленький разведчик китов. Его задача — выслеживать китов и, следя за их передвижением, сообщать по радио об их местонахождении китобойным судам.

Наш пароход тоже стоял борт о борт с «Алеутом», и мы получили возможность побывать на палубе этого замечательного судна-фабрики.

«Алеут» — это широкий крытый пароход. По его спардеку вдоль правого борта идет необычной формы корма с большим наклонным люком, спускающимся к воде. На этом пароходе много лебедек. Вот, пожалуй, и все, что по внешнему виду отличает «Алеут» от других судов. Но по существу все на «Алеуте» специально приспособлено для разделки и переработки китов. На пароходе имеются жиротопки, в которых мясо и жир китов перетапливается на сало, удобриательные вещества и специальную амбру, идущую для парфюмерной промышленности. На пароходе есть и консервная фабрика, перерабатывающая китовое мясо.

Мы уже успели осмотреть весь пароход, ознакомиться с характером

и процессом работы, когда у входа в бухту появилось маленькое китобойное судно — «китобоец», буксированное пришвартованного к его борту кита.

Китобойное судно было небольшое, с гарпунной пушкой, установленной в его носовой части. Гарпун — это метательное оружие, состоящее из тяжелого металлического стержня, имеющего на конце зазубренные лапы. В передней части гарпуна укрепляется граната, которая взрывается, когда гарпун вонзается в тело кита. Кроме убойного действия, граната при взрыве раздвигает лапы гарпуна, благодаря чему он лучше закрепляется в теле кита. Пушка выстреливает гарпун, к которому привязан длинный и прочный канат, закрепленный другим своим концом на судне. Иногда раненый кит долго и глубоко ныряет, и тогда китобойцы, вытравив нужной длины канат, прикрепленный к гарпуну, ждут, когда кит снова появится на поверхности воды. Если кит еще жив, в него пускают второй гарпун. Убитого кита пришвартовывают к борту китобойца и буксируют (иногда на большое расстояние) к «Алеуту».

Работа китобойцев тяжела и сурова: и в бурю и в ветер бороздят они на маленьких судах широкие просторы океана. Первое время в нашей китобойной флотилии работало много иностранцев — норвежцев, славящихся в китобойном деле. Теперь на всех судах, не уступая по ловкости и умению норвежцам, применяют новые, стахановские методы, работают советские китобойцы.

Маленькое китобойное судно, обменявшись с «Алеутом» приветственными гудками, встало у его борта. Кит-полосатик лежал на спине между судами. Продольные складки вдоль брюха делали его похожим на перевернутую шляпку.

Через наклонный люк-слип — в корме «Алеута» с помощью лебедек кита втащили на палубу. До сих пор мы встречали китов в открытом море, когда они, выбрасывая фонтаны воды, проходили мимо нашего парохода. Теперь на палубе «Алеута» перед нами лежал огромный, метров двадцать длиной, неподвижный кит. Его рот, передняя часть брюха и плавники обросли ракушками-паразитами, издали похожими на бородавки. Маленькие глазки кита на огромной, занимающей третью часть туловища, голове различить было почти невозможно.

Перед тем как приступить к разделке кита, его тщательно измерили.

Затем специальными ножами изогнутой формы и на длинной рукоятке было сделано несколько подрезов вдоль тела — от головы до хвоста. После этого тросами зацепили у головы надрезанные пласты жира и почти одновременно несколькими лебедками начали сдирать эти пласты. Нужно сказать, что кожа у кита сравнительно тонкая, примерно один-полтора сантиметра, а слой жира имеет 25 сантиметров. Через несколько минут вся туша кита была уже освежена. Пласты жира, опять-таки с помощью лебедек, подвешивались над люками жиротопок, подсекались ножами и по кускам падали в котлы.

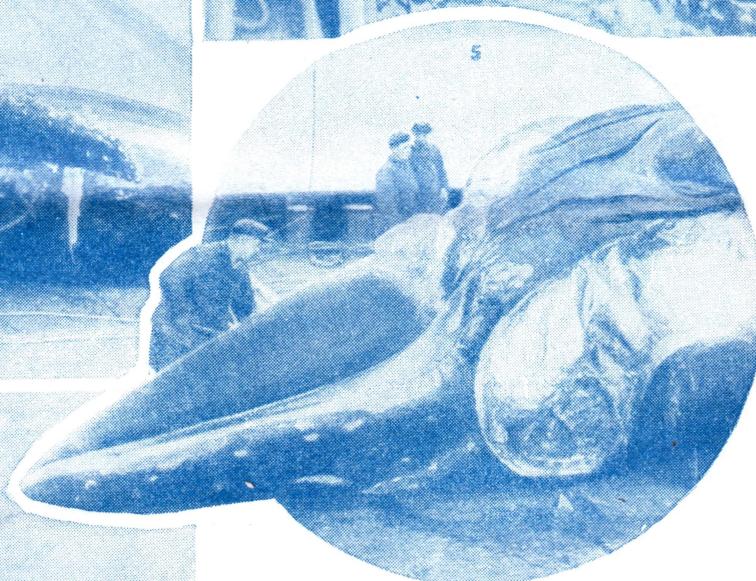
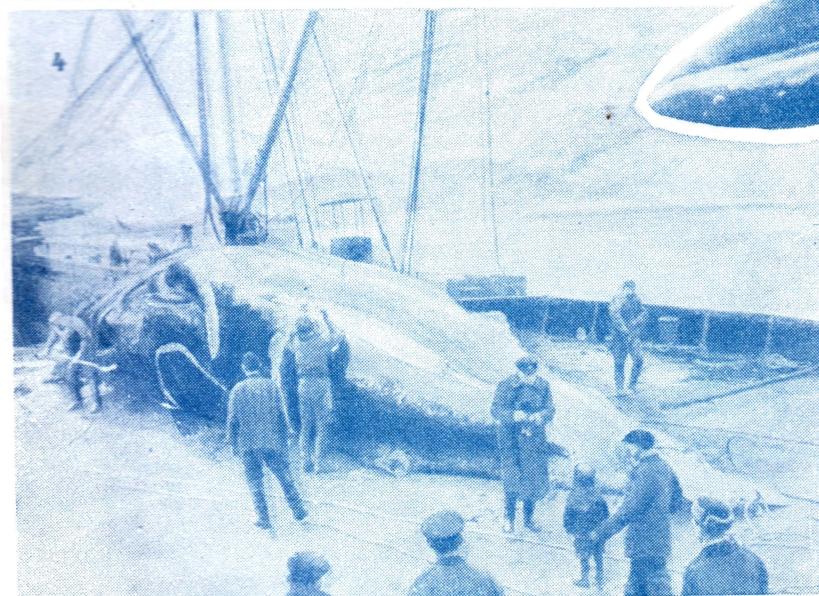
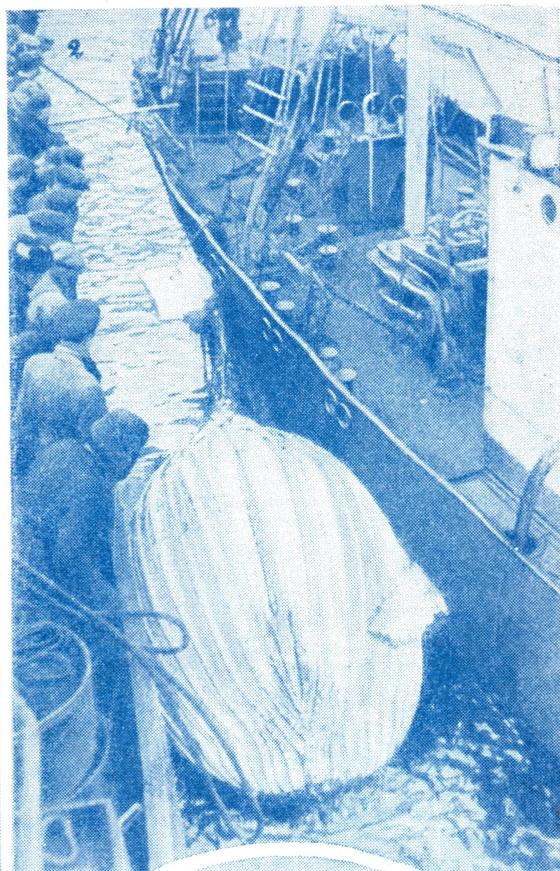
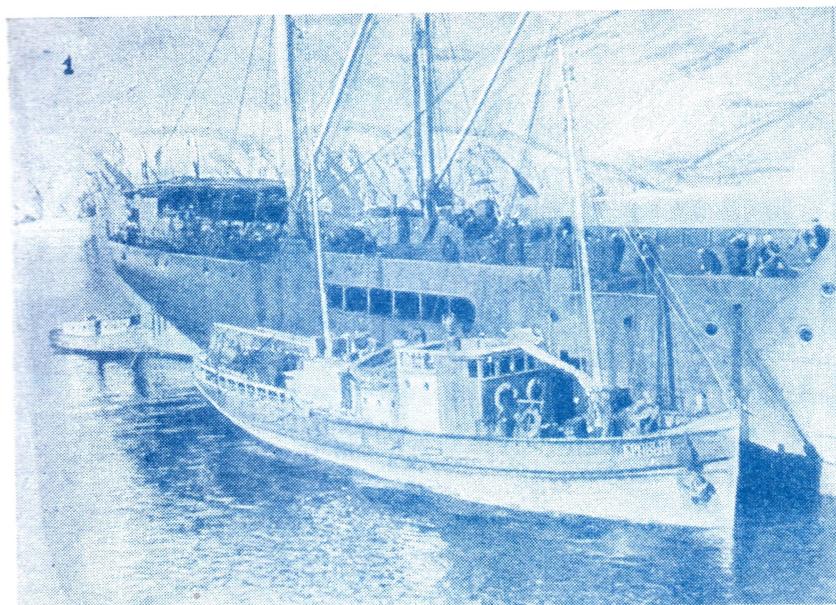
Пока шла свежевание туши, у кита отделили голову и занялись разделкой челюстей. Этот кит был из породы беззубых (усатых), то есть вместо зубов он имел пластинки так называемого китового уса, растущего на верхней челюсти. Эти пластинки посажены вертикально, очень тесно друг к другу, и в среднем их количество равняется 300 штукам. Они черного цвета и имеют форму треугольника высотой около 60 сантиметров. По внутреннему ребру пластинок проходит щетинистая бахрома, назначение которой отщипывать захваченных с водой мелких животных: моллюсков, мелкую рыбу, медуз.

Челюсти с помощью лебедек перетаскивали вдоль правого борта «Алеута» на нос. После того как были срезаны пластинки китового уса, челюсти положили под паровые пилы и затем по кускам опустили в люки жиротопок.

Тем временем с туши было среzano мясо, идущее на изготовление консервов, а сама туша, освобожденная от внутренностей, которые никак не используются и выбрасываются за борт, тоже была переправлена в носовую часть парохода. Здесь завершилась ее разделка. Кости с помощью паровых пил распилили, а затем опустили остатки кита в жиротопки, находящиеся в помещении под верхней палубой в носовой и кормовой частях «Алеута».

Казавшаяся на первый взгляд сложной и трудной операция по разделке туши кита была закончена. Весь этот процесс занял всего около часа. А пока в жиротопках шла переработка первого кита, на палубе уже разделялся следующий кит.

Мы вернулись на «Анадырь», и вскоре наш пароход снялся с якоря. Впереди лежал далекий путь по трем морям, на юг, во Владивосток.

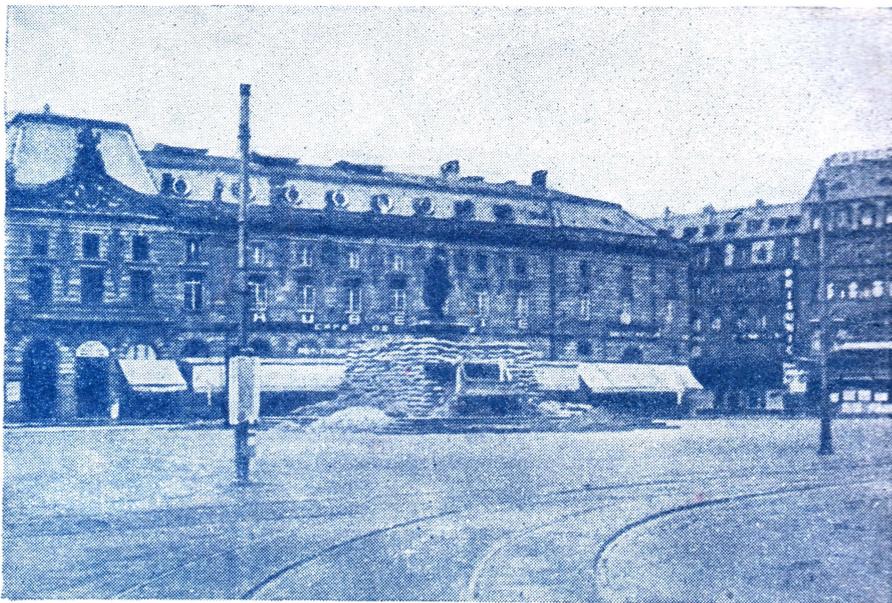
На снимках.

1. Пароход «Алеут» — база советской китобойной флотилии. Рядом разведчик китов — катер «Бразый».
2. Убитый кит лежит между судами.
3. С помощью лебедок кита втащили на палубу.
4. Рабочие «Алеута» приступили к разделке туши кита.
5. Разделка головы кита.

Мертвый город

Старинный эльзасский город Страсбург стоит на берегу Рейна, у самой границы Франции и Германии.

Большой, всегда оживленный город сейчас вымер. Тихи и безмолвны просторные площади и улицы города. Здесь не осталось ни одного живого человека. С первых же дней войны все 193 тысячи жителей Страсбурга были эвакуированы и перевезены в глубь Франции.

На снимках, сверху — площадь Клебера; слева — вокзальная площадь; внизу и справа — типичные эльзасские дома и улицы в районе городского собора и на набережной реки Иль.

